Библіотека „СВОБОДНАЯ РОССІЯ“, № 15
Подъ общей редакціей С. П. Мельгунова и Н. М. Шестакова.

51 а
87

М. Богословскій.

БЫТЪ и НРАВЫ
РУССКАГО ДВОРЯНСТВА
въ первой половинѣ XVIII вѣка.

Цѣна 15 коп.

Изданіе Е. В. Кожевниковой и
Е. А. Коломійцевой.

МОСКВА.
Типографія Г. Лисснера и Д. Собко.
Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. Лисснера.
1906.

127920

Библіотека „СВОБОДНАЯ РОССІЯ“, № 15.
Подъ общей редакціей С. П. Мельгунова и Н. М. Шестакова.

М. Богословскій.

БЫТЪ и НРАВЫ РУССКАГО ДВОРЯНСТВА

въ первой половинѣ XVIII вѣка.

Цѣна 15 коп.

Изданіе Е. В. Кожевниковой и
Е. А. Коломійцевой.

БИБ
М
им. Горького

936:3263

МОСКВА.
Типографія Г. Лисснера и Д. Совко.
Воздвиженка, Крестовоздвиж пер., д. Лисснера.
1906.

5Р2 87

Дозволено цензурою. Москва, 18 января 1906 г.

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ

1 ~~29313~~

124990

пр. 95

I.

Западное вліяніе.

Одна изъ особенностей XVIII вѣка въ исторіи Россіи заключается въ болѣе близкомъ знакомствѣ Россіи съ западомъ и въ расширеніи западнаго вліянія на высшій классъ русскаго общества. Если прежде это вліяніе только просачивалось въ русскую жизнь, то теперь оно хлынуло сюда широкою волною, и два прежніе пути, по которымъ оно направлялось, изъ едва замѣтныхъ тропинокъ стали торными дорогами. Западная литература, проникавшая прежде въ Москву только при посредствѣ переводовъ съ польскаго, теперь стала находить себѣ въ Россію доступъ и въ подлинникѣ. Прежде на русскомъ книжномъ рынкѣ находила себѣ спросъ главнымъ образомъ изящная литература или историческія повѣсти; съ XVIII в. стали интересоваться также и произведеніями крупныхъ и мелкихъ представителей европейской политической мысли. И другой путь западнаго вліянія — появленіе иностранцевъ въ Россіи — сталъ играть гораздо болѣе замѣтную роль, чѣмъ прежде. Выписка и наемъ иностранцевъ на русскую службу практикуются въ усиленныхъ размѣрахъ. Наплыву иностранцевъ содѣйствуютъ родственныя связи, въ какія русскій царствующій домъ вступилъ съ нѣмецкими владѣтельными домами. Иностранцы являются въ большемъ количествѣ и въ иномъ качествѣ. Прежде они попадали въ Москву какъ купцы, выписывались какъ техники или поступали въ войска какъ военные инструкторы. Теперь ихъ много было взято и на гражданскую службу въ коллегіи, которыя принуждены были даже завести въ своихъ штатахъ особыхъ переводчиковъ,

такъ какъ значительная доля ихъ персонала была изъ иностранцевъ, не понимавшихъ ни слова по-русски. Новымъ также было появленіе иностранца въ качествѣ школьнаго и домашняго учителя. Нѣмецъ сталъ проникать въ Россію не только какъ купецъ, техникъ и офицеръ, но еще и какъ приказный дѣлецъ въ коллегіи и учитель въ школѣ и дома. Многіе изъ нихъ пошли быстро въ ходъ на русской службѣ, и степень ихъ вліянія сказывается въ томъ значительномъ %, какой приходится на долю иностранныхъ именъ въ составѣ „генералитета“, т.-е. особъ первыхъ четырехъ классовъ по табели о рангахъ, оставшемся послѣ Петра, не говоря уже объ иноземцахъ, сдѣлавшихся звѣздами первой величины на русскомъ политическомъ горизонтѣ. Но и значеніе рядового иностранца въ XVIII вѣкѣ стало инымъ, чѣмъ прежде. Въ XVII вѣкѣ выписанный техникъ и офицеръ на русской службѣ или заѣхавшій въ Россію коммерсантъ были лишь случайными и невольными распространителями знакомства съ западомъ среди тѣхъ немногихъ русскихъ людей, которые съ ними соприкасались. Такой иноземецъ часто терялся въ русской массѣ и если оставался надолго въ Россіи, то гораздо скорѣе самъ русѣлъ, чѣмъ онѣмечивалъ окружающихъ. Теперь онъ становится вліятельнымъ администраторомъ и, что еще важнѣе, офиціальнымъ или частнымъ, но одинаково обязательнымъ и необходимымъ учителемъ той части русскаго общества, которая требованіемъ государства принуждена была проходить курсъ иноземныхъ военныхъ и гражданскихъ наукъ. Чтеніе и затверживаніе наизусть часослова и псалтири, которыми все образованіе ограничивалось прежде, становится недостаточнымъ, и на долю сельскаго дьячка остается теперь только первоначальное обученіе, завершать которое долженъ педагогъ-иностранецъ. Иностранцы наполняютъ собою академію наукъ, преподаютъ въ академіяхъ артилерійской и морской, а затѣмъ въ шляхетскомъ кадетскомъ корпусѣ, открываютъ и частныя школы.

Вспоминая школьное дѣло при Петрѣ, не слѣдуетъ забывать ту небольшую, можетъ быть, по размѣрамъ, но все-таки замѣтную просвѣтительную роль, которую сыграли невольно попавшіе тогда въ наше отечество иноземцы — плѣнные шведы, и слѣды которой не разъ попадаются въ документахъ эпохи. Занесенные по глухимъ угламъ Россіи, коротая печальные дни плѣна и пріискивая себѣ заработокъ, эти шведы пускали въ ходъ тѣ знанія, какія были пріобрѣтены на родинѣ, и такимъ образомъ являлись проводниками западной культуры. „Одинъ плѣнный офицеръ,— разсказываетъ ганноверскій резидентъ при петербургскомъ дворѣ Веберъ, составившій описаніе Россіи при Петрѣ, — не знавшій никакого ремесла, завелъ въ Тобольскѣ кукольную комедію, на которую стекается множество горожанъ, не видавшихъ никогда ничего подобнаго. Другіе, напротивъ, обладая какими-нибудь знаніями, завели порядочныя школы въ нѣсколько классовъ, въ которыхъ и обучали не только дѣтей шведскихъ плѣнныхъ, но и русскихъ ввѣряемыхъ имъ дѣтей латинскому, французскому и другимъ языкамъ, а также морали, математикѣ и всякаго рода тѣлеснымъ упражненіямъ. Школы эти пріобрѣли уже такую извѣстность между русскими, что эти послѣдніе присылаютъ въ нихъ для обученія сыновей своихъ изъ Москвы, Вологды и другихъ мѣстностей и городовъ“. Одна изъ такихъ школъ была открыта въ Москвѣ знаменитымъ шведскимъ плѣннымъ пасторомъ Глюкомъ. Въ 1733 г. былъ привлеченъ къ допросу замѣшанный въ одномъ изъ политическихъ процессовъ, тянувшихся тогда безконечною вереницей, нѣкій монахъ изъ дворянъ Георгій Зворыкинъ; въ его автобіографіи, которую онъ изложилъ на допросѣ, мы встрѣчаемся съ просвѣтительной дѣятельностью тѣхъ же плѣнниковъ. Отъ роду ему, показывалъ Зворыкинъ, 26 лѣтъ; отецъ его служилъ въ драгунахъ и былъ убитъ на службѣ подъ Полтавою. Послѣ смерти отца онъ остался двухъ лѣтъ при матери въ Костром-

скомъ уѣздѣ, въ сельцѣ Погорѣлкахъ. Мать обучила его грамотѣ съ помощью сосѣдняго дьячка, а затѣмъ отдала его плѣннымъ шведамъ, которые выучили его латинскому и нѣмецкому языкамъ и ариѳметикѣ. Очевидно, что на долю этихъ плѣнныхъ шведовъ выпала въ первой четверти XVIII вѣка такая же роль въ русскомъ обществѣ, какую въ началѣ XIX вѣка пришлось повторить французскимъ эмигрантамъ и плѣнникамъ, оставшимся въ Россіи послѣ кампаніи 1812 г. и сдѣлавшимся гувернерами въ помѣщичьихъ семействахъ и учителями въ школахъ.

Послѣ Петра число частныхъ учебныхъ заведеній, содержимыхъ иностранцами въ обѣихъ столицахъ, размножилось. Извѣстнаго автора мемуаровъ, столь обстоятельно рисующихъ русскіе нравы XVIII вѣка, Болотова отдали въ Петербургѣ въ пансіонъ Ферре при шляхетскомъ кадетскомъ корпусѣ потому, что онъ считался лучшимъ изъ нѣсколькихъ подобныхъ. Въ мемуарахъ Болотовъ живо вспоминаетъ обстановку этого пансіона. Тамъ онъ встрѣтилъ человѣкъ 15 товарищей, живущихъ и приходящихъ, и къ числу послѣднихъ принадлежала также одна взрослая дѣвица, дочь какой-то майорши, ходившая учиться французскому языку. Хозяинъ пансіона, состоявшій учителемъ въ кадетскомъ корпусѣ, плохо училъ воспитанниковъ и видимо заботился исключительно о наживѣ. Въ постные дни онъ держалъ въ пансіонѣ строгій постъ, но и въ скоромные кормилъ дѣтей такъ постно, что только вывезенные изъ деревень крѣпостные служители, находившіеся въ пансіонѣ при молодыхъ господахъ, выручали ихъ, приготовляя имъ щи въ дополненіе къ пансіонному обѣду. Въ качествѣ домашнихъ учителей иностранцы появляются при дворѣ уже съ самаго начала XVIII в. и притомъ не только въ семействѣ Петра, но и въ домѣ такой старомодной русской женщины, какою была вдова царя Ивана Алексѣевича царица Прасковья Ѳедоровна. Три ея дочери Екатерина, Анна и Прасковья

проходили прежде всего, разумѣется, „букварь словенороссійскихъ письменъ съ образованіями вещей и съ нравоучительными стихами“. Но при нихъ уже два учителя иностранца: нѣмецъ Дитрихъ Остерманъ (братъ знаменитаго Андрея Ивановича) и французъ Рамбуръ, который обучаетъ царевенъ французскому языку и танцамъ. Обычаи двора обязательны для аристократіи, и въ семействахъ петровской знати появляются иностранные гувернеры и гувернантки. Обычаи аристократіи становятся предметомъ подражанія въ кругу средняго и мелкаго дворянства, дѣлаются модой, и вотъ, къ половинѣ вѣка, въ каждомъ сколько-нибудь достаточномъ дворянскомъ домѣ непремѣнно уже есть нѣмецъ или французъ учитель или воспитатель. Въ Россіи открылся спросъ на учителей-иностранцевъ, съ запада потянулось предложеніе. Для населенія западныхъ странъ возникъ новый видъ отхожаго промысла, тѣмъ болѣе заманчивый, что не требуя никакой спеціальной подготовки, онъ щедро вознаграждался. Тѣ же воспоминанія Болотова знакомятъ насъ съ такого рода французомъ-учителемъ въ барскомъ домѣ, какъ и съ самыми его педагогическими пріемами. Осиротѣвъ и поселившись въ Петербургѣ у дяди, Болотовъ долженъ былъ ходить въ домъ генералъ-аншефа Маслова брать уроки у француза, состоявшаго при генеральскихъ дѣтяхъ. „Г. Лапись, — пишетъ Болотовъ, — былъ хотя и ученый человѣкъ, что можно было заключить по безпрестанному его читанію французскихъ книгъ, но и тотъ не зналъ, что ему съ нами дѣлать и какъ учить. Онъ мучилъ насъ только списываніемъ статей изъ большого французскаго словаря, изданнаго французской академіей и въ которомъ находились только о каждомъ французскомъ словѣ изъясненіе и толкованіе на французскомъ же языкѣ; слѣдовательно, были на большую часть намъ не вразумительны. Сіи статьи и по большей части такія, до которыхъ намъ ни малѣйшей не было нужды, должны мы были списывать, а потомъ вытверживать наизусть

безъ малѣйшей для насъ пользы. Тогда принуждены мы были повиноваться волѣ учителя нашего и все то дѣлать, что онъ приказывалъ. Но нынѣ надсѣдаюсь я со смѣха, вспомнивъ сей родъ ученія и какъ бездѣльники французы не учатъ, а мучатъ нашихъ дѣтей сущими пустяками и бездѣлицами, стараясь чѣмъ-нибудь да провести время". Мода распространялась, и повышеніе спроса повышало количество предложенія, ухудшая его качество. Кучеръ, лакей и парикмахеръ иностранецъ, не нашедшій заработка дома, нерѣдко не поладившій съ отечественной юстиціей, свободно находилъ себѣ учительское мѣсто въ Россіи. Явленіе стало столь обычнымъ, что писатель-комикъ могъ хорошо уловить типъ нѣмца-учителя изъ кучеровъ въ дворянскомъ семействѣ, и Адамъ Адамовичъ Вральманъ показался на сценѣ какъ всѣмъ хорошо понятная и давно знакомая фигура. Въ царствованіе Елизаветы, когда заграничный привозъ учителей былъ особенно обширенъ, правительство стало принимать противъ него мѣры и пыталось потребовать образовательнаго ценза, установивъ экзамены для иностранцевъ-учителей. Обнаружились печальные результаты. На вопросъ, что такое имя прилагательное, одинъ изъ такихъ испытуемыхъ отвѣчалъ, что это должно быть новое изобрѣтеніе академиковъ: когда онъ уѣзжалъ съ родины, объ этомъ еще не говорили. То соображеніе, что многіе помѣщики, не сыскавъ лучшихъ учителей, принимаютъ къ себѣ такихъ, „которые лакеями, парикмахерами и другими подобными ремеслами всю жизнь свою препровождали", было однимъ изъ мотивовъ, приведенныхъ въ указѣ 12 января 1755 года объ учрежденіи въ Москвѣ университета.

Къ этимъ двумъ путямъ западнаго вліянія, какими были иностранная книга въ видѣ романа, а затѣмъ и научнаго или публицистическаго трактата и иностранный выходецъ сначала въ видѣ военнаго инструктора, а потомъ въ видѣ учителя и гувернера, со времени Петра

присоединился еще третій. То было непосредственное знакомство русскаго общества съ западомъ благодаря путешествіямъ за границу. Въ первой четверти XVIII в. русская знатная молодежь почти поголовно была вывезена за границу съ учебными или съ военными цѣлями. Учебная подготовка дворянства стала теперь слагаться изъ трехъ курсовъ. Первоначальное обученіе продолжалъ давать все тотъ же сельскій дьячекъ, средній курсъ проходился подъ руководствомъ иностранца-учителя, высшее образованіе получалось въ заграничной командировкѣ. Такой порядокъ установился съ самаго конца XVII в. Незадолго до выѣзда въ чужіе края извѣстнаго большого посольства, въ которомъ инкогнито выѣхалъ и самъ Петръ и которое по своей многочисленности походило скорѣе на цѣлый отрядъ, была отправлена на западъ партія молодежи изъ лучшихъ боярскихъ фамилій числомъ въ 61 человѣкъ стольниковъ и спальниковъ, и съ ними были посланы 61 человѣкъ простыхъ солдатъ также изъ дворянъ. Тѣ и другіе были назначены въ Италію и Голландію изучать навигацкую науку. Съ тѣхъ поръ постоянно посылаются за границу такіе же отряды молодыхъ дворянъ, и не будетъ преувеличеніемъ сказать, что не было сколько-нибудь знатной и видной фамиліи, хотя бы одинъ изъ членовъ которой не побывалъ при Петрѣ за границей. Въ 1717 г. въ одномъ только Амстердамѣ числилось 69 русскихъ навигаторовъ. Кромѣ изученія навигацкой науки молодые люди посылались также съ болѣе широкими цѣлями, для изученія юриспруденціи, медицины и изящныхъ искусствъ. Въ Кенигсбергъ командированъ былъ цѣлый отрядъ подьячихъ изучать порядки нѣмецкой администраціи. Поѣздки за границу при Петрѣ были такъ часты, что упомянутому выше ганноверскому резиденту Веберу казалось, что русскихъ было послано съ цѣлью обученія за границу нѣсколько тысячъ человѣкъ. Многимъ изъ русской знати пришлось жить за границей въ качествѣ дипломатическихъ агентовъ. Внѣшняя по-

литика Петра стала гораздо сложнѣе; завязывались постоянныя и оживленныя сношенія съ западными государствами. Иностранные послы въ московскомъ государствѣ бывали временными гостями, живя недолго въ Москвѣ, показывались только на торжественныхъ пріемахъ, остальное время сидѣли почти подъ арестомъ на посольскомъ дворѣ, окруженномъ стражею. Съ Петра аккредитуются при русскомъ правительствѣ постоянные послы, которые ведутъ открытый образъ жизни и задаютъ тонъ петербургскому великосвѣтскому обществу. Вмѣстѣ съ тѣмъ и русское правительство учреждаетъ постоянныя посольства за границей: въ Парижѣ, Лондонѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ, Дрезденѣ, Стокгольмѣ, Копенгагенѣ, Гамбургѣ, притягивающія дворянскую молодежь на дипломатическую службу въ эти центры. Наконецъ, войны XVIII в. были также средствомъ общенія съ западомъ. Съ XVIII в. русскія войска впервые вступаютъ на территорію настоящей западной Европы, не ограничиваясь уже Польшей и остзейскимъ краемъ. Во время Сѣверной войны русскіе отряды дѣйствовали въ сѣверной Германіи на берегахъ Балтійскаго моря, и въ тогдашнихъ „Вѣдомостяхъ“ соотечественники могли читать извѣстія о томъ, что „какъ офицеры, такъ и рядовые“ въ этихъ отрядахъ „зѣло изрядные и добрые и какъ въ ружьѣ, такъ и въ платьѣ уборны, и невозможно оныхъ признать, чтобы оные не самые иноземцы были, и многіе изъ нихъ по-нѣмецки умѣютъ“. Въ 1748 г. послѣдствіемъ возобновленнаго русско-австрійскаго союза была отправка къ берегамъ Рейна вспомогательнаго русскаго корпуса въ 30 тысячъ человѣкъ, который зимовалъ за границей въ австрійскихъ провинціяхъ, ни разу не вступивъ въ дѣло. Наконецъ въ Семилѣтнюю войну, когда русскіе войска захватили Кенигсбергъ и побывали въ Берлинѣ, русское дворянство, наполнявшее армію, могло въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ наблюдать западные порядки на досугѣ между сраженіями.

Итакъ, обязательная наука, дипломатія и война за-

ставили въ первой половинѣ XVIII в. множество русскаго люда предпринять невольное, но очень поучительное путешествіе за границу. Сохранились памятники, позволяющіе съ достаточной полнотой возстановить тотъ психологическій процессъ, который происходилъ въ этомъ невольномъ русскомъ путешественникѣ XVIII в. при его соприкосновеніи съ западно европейскимъ міромъ. До насъ дошло нѣсколько дневниковъ и записокъ, веденныхъ за границей первыми такими путешественниками, хорошо передающихъ ихъ непосредственныя впечатлѣнія отъ всего видѣннаго на западѣ,—впечатлѣнія, записываемыя изо дня въ день съ необыкновенной простотой и искренностью. Таковы записки П. А. Толстого, впослѣдствіи одного изъ главныхъ сотрудниковъ реформы, сенатора и президента коммерцъ-коллегіи, князя Куракина — виднаго дипломата эпохи Петра, Матвѣева — будущаго президента юстицъ-коллегіи, Неплюева — будущаго оренбургскаго администратора и др.

На заграничную командировку, объявленную въ январѣ 1697 г., многіе изъ отправляемыхъ стольниковъ взглянули какъ на тяжелое испытаніе и неожиданное несчастіе. Небывалость самаго дѣла и дальность пути не могли не вызывать нѣкотораго страха передъ путешествіемъ. Притомъ приходилось ѣхать если и не въ басурманскія страны, то все жъ таки въ страны съ христіанской вѣрой сомнительной чистоты. Отталкивала и цѣль путешествія: спокойную службу при государевомъ дворѣ въ высокихъ придворныхъ званіяхъ приходилось мѣнять на простую матросскую службу подъ командой иностранныхъ офицеровъ — и это потомкамъ знатнѣйшихъ домовъ, никогда не знавшимъ черной служебной работы, привыкшимъ занимать положеніе правительственныхъ верховъ общества. Иные изъ этихъ стольниковъ обзавелись уже семьями, которыя приходилось покинуть. Все это вмѣстѣ не могло не вызывать того мрачнаго настроенія, съ которымъ они выѣзжали

изъ Москвы, и той тяжелой тоски, которую они испытывали, разставаясь съ нею. Толстой, одинъ изъ немногихъ охотниковъ, добровольно отправившихся за границу, чтобы сдѣлать угодное государю, выѣхавъ изъ Москвы, еще цѣлыхъ три дня простоялъ въ Дорогомиловской слободѣ, прощаясь съ родственниками.

Обильный рядъ новыхъ впечатлѣній, которыя приходилось испытывать въ пути, заглушалъ тяжелыя чувства, навѣянныя разлукой. Европа поражала русскаго человѣка, въ нее попадавшаго, прежде всего тою величественной внѣшностью, которой онъ не видѣлъ дома. Громадные города съ каменными высокими домами, съ величавыми соборами возбуждали одно изъ первыхъ удивленій послѣ русскихъ городовъ съ ихъ совершенно сельскими, крытыми соломой избами и маленькими деревянными церквами, и путешественникъ непремѣнно отмѣтитъ въ дневникѣ, какъ будто въ этомъ было что-то особенно замѣчательное, что весь городъ, черезъ который онъ проѣзжалъ, каменный. Если ему случится побывать въ театрѣ, то онъ на своемъ точномъ, но удивительно неприспособленномъ къ передачѣ новыхъ впечатлѣній языкѣ запишетъ въ дневникъ, что „былъ въ палатахъ великихъ округлыхъ, которыя италіане зовутъ театрумъ. Въ тѣхъ палатахъ подѣланы чуланы многіе (ложи) въ пять рядовъ вверхъ, и бываетъ въ одномъ театрумѣ чулановъ двѣсти, а въ иномъ триста и больше; а всѣ чуланы подѣланы извнутри того театрума предивными работами золочеными“. Если же покажутъ ему отдѣланный садъ, то онъ разскажетъ, что видѣлъ тамъ „многіе травы и цвѣты изрядные, посаженные разными штуками по препорціи и множество плодовитыхъ деревъ съ обрѣзанными вѣтвями, ставленныхъ архитектурально и немалое число подобій человѣческихъ мужеска и женска полу изъ мѣди (статуи)“. Искусство остается для такого путешественника еще недоступно своею внутреннею стороной, не вызывая въ немъ никакихъ эстетическихъ волненій; но

произведенія искусства поражаютъ его мастерствомъ техники, и онъ отмѣтитъ, что видѣнные имъ на картинахъ люди или „мраморныя дѣвки“, изображающія „поганскихъ богинь“, сдѣланы какъ живыя (Толстой), или, справившись о значеніи памятника, стоящаго на городской площади, запишетъ, что на площади „стоитъ сдѣланъ мужикъ вылитый, мѣдный съ книгою на знакъ тому, который былъ человѣкъ гораздо ученый и часто людей училъ, и тому на знакъ то сдѣлано“, какъ описалъ князь Куракинъ видѣнный имъ памятникъ знаменитаго Эразма въ Роттердамѣ.

Новые интересы возбуждались въ душѣ русскаго наблюдателя по мѣрѣ того, какъ его житье за границей становилось продолжительнѣе и его знакомство съ западомъ болѣе основательнымъ. Складъ западнаго житейскаго быта привлекалъ къ себѣ его вниманіе своими внѣшними и внутренними сторонами. Его поражали чистота, порядокъ и благоустройство европейскихъ городовъ, вѣжливость и обходительность въ обращеніи ихъ жителей, — черты, къ которымъ онъ не привыкъ дома. Онъ быстро знакомился съ „плезирами“ европейской жизни. Для нашего дипломатическаго персонала было открыто посѣщеніе „ассамблей, фестиновъ и конверсаціоновъ“ въ аристократическихъ домахъ; посѣщеніе комедій и оперъ, сходбища въ кофейные дома и австеріи — сдѣлались любимыми занятіями въ часы досуга для навигаторовъ. Но и болѣе серьезныя стороны европейской жизни привлекали къ себѣ вниманіе русскаго наблюдателя. Его удивленіе вызывали обширныя благотворительныя учрежденія, въ которыхъ онъ могъ наблюдать проявленіе самыхъ лучшихъ христіанскихъ чувствъ милосердія и любви къ ближнему въ западномъ христіанинѣ, христіанинѣ такой подозрительной чистоты. На каждомъ шагу онъ встрѣчалъ учрежденія просвѣтительнаго характера: академіи, музеи и учебныя заведенія, дававшія ему понятіе объ уваженіи на западѣ къ наукѣ, значенія которой въ общественной

жизни онъ если и не сознавалъ вполнѣ ясно, то уже не могъ не чувствовать. Иные пріемы воспитанія и положеніе женщины также вызывали замѣтки въ дневникахъ. „Народъ женскій въ Венеціи, — пишетъ Толстой, — зѣло благообразенъ и строенъ, и политиченъ, высокъ, тонокъ и во всемъ изряденъ; а къ ручному дѣлу не очень охочъ, больше заживаютъ въ прохладахъ, всегда любятъ гулять и быть въ забавахъ". Невиданная дома простота и свобода обращенія представительницъ французской аристократіи поражала и очаровывала Матвѣева въ Версалѣ и Парижѣ. „Ни самый женскій полъ во Франціи, — пишетъ онъ, — никакого зазору отнюдь не имѣетъ во всѣхъ честныхъ обращаться поведеніяхъ съ мужскимъ поломъ, какъ бы самые мужи, со всякимъ сладкимъ и человѣколюбивымъ пріемствомъ и учтивостью". Наконецъ, и политическій порядокъ западно-европейскихъ государствъ, лежавшій въ основѣ этого житейскаго уклада, такъ понравившагося русскимъ людямъ, вызывалъ въ нихъ не мало симпатій. Толстой съ большимъ удовольствіемъ разсказывалъ о свободѣ, печать которой видна на всѣхъ гражданахъ венеціанской республики, о простотѣ въ обращеніи съ дожемъ, о справедливости, царящей въ судопроизводствѣ. Матвѣевъ попалъ во Францію въ эпоху разцвѣта абсолютизма при Людовикѣ XIV. Но онъ не безъ скрытаго намека на родные политическіе порядки долженъ былъ съ сочувствіемъ замѣтить отсутствіе произвола, благодаря чему „король кромѣ общихъ податей, хотя и самодержавный государь, никакихъ насилованій не можетъ, особливо же ни съ кого взять ничего, развѣ по самой винѣ, свидѣтельствованной противъ его особы въ погрѣшеніи смертномъ, по истинѣ разсужденной отъ парламента; тогда уже по праву народному, не указомъ королевскимъ, конфискаціи или описи пожитки его подлежать будутъ". Частая и произвольная конфискація имуществъ была больнымъ мѣстомъ въ русскомъ политическомъ строѣ первой половины XVIII столѣтія.

Таковы были впечатлѣнія, которыя уносилъ съ собой съ запада при болѣе близкомъ съ нимъ знакомствѣ русскій наблюдатель конца XVII и начала XVIII в. Сильно дѣйствуя на его душу, они заставляли ее пережить цѣлую гамму настроеній. Посылаемый за границу, русскій человѣкъ времени Петра Великаго уѣзжалъ туда съ печалью о томъ, что ему приходилось покидать и съ тревогой передъ тѣмъ, что его въ невѣдомой странѣ ожидало. По переѣздѣ рубежа величественность внѣшней европейской обстановки вызывала въ немъ удивленіе. Уже при самомъ поверхностномъ знакомствѣ съ европейской жизнью онъ находилъ въ ней многія стороны, которыя мирили его съ западомъ, смягчая остроту разлуки съ родиной. По мѣрѣ того, какъ онъ долѣе жилъ за границей, простое первоначальное удивленіе смѣнялось размышленіемъ съ его неизбѣжной операціей сравненія, различенія сходнаго и несходнаго. Результаты этого сравненія своей домашней обстановки и порядковъ съ тѣми, которые пришлось узнать за границей, вели неизбѣжно къ заключеніямъ о превосходствѣ многихъ сторонъ европейской жизни передъ своей, русской. Отсюда дальнѣйшимъ шагомъ являлась критика своихъ порядковъ, сознаніе ихъ негодности и мысль о замѣнѣ ихъ новыми, заимствованными съ запада. Такъ, уѣзжая изъ Москвы съ тревогой и враждебнымъ чувствомъ къ западу, навигаторъ или дипломатъ нерѣдко возвращался съ сознаніемъ его превосходства.

Со второй четверти вѣка въ поколѣніи дѣтей этихъ невольныхъ путешественниковъ развивается и все болѣе входитъ въ моду добровольное путешествіе на западъ по тѣмъ же мотивамъ, по которымъ оно предпринимается и до нашихъ дней: завершеніе образованія, удовлетвореніе любознательности, лѣченіе въ заграничныхъ курортахъ, наконецъ удовольствіе самаго путешествія. Благоустройство западнаго города, комфортъ европейской жизни, утонченные нравы, зрѣлища и увеселенія, а затѣмъ

и западные библіотеки, музеи и университеты — таковы были приманки, тянувшія русскаго путешественника на западъ. Не даромъ указъ 1762 г. о вольности дворянства съ такою подробностью говорилъ о возможности для дворянъ ѣздить за границу, обучать тамъ дѣтей и жить тамъ, сколько захотятъ. Путешествія за границу стали столь любимы и обычны, что еще за 20 лѣтъ до этого указа сухой и узкій моралистъ, придворный проповѣдникъ Савицкій, считалъ нужнымъ вооружиться противъ этого явленія, которое онъ считалъ и вредомъ для православія. „Многіе ль, — восклицалъ онъ въ проповѣди, произнесенной 4 іюля 1742 г., — хоть копейку потратили на обученіе православію? Весьма немногіе! А многія тысячи брошены на обученіе отъ пеленъ танцамъ, верховой ѣздѣ, играмъ, разнымъ языкамъ, да на странствія по чужимъ землямъ“. Мода порождаетъ увлеченія и доходитъ до крайностей, и молодой человѣкъ, дикарь по своимъ внутреннимъ качествамъ, слѣпой поклонникъ и смѣшной подражатель западной внѣшности, вздыхающій и тоскующій по Парижѣ, гдѣ только и можно жить, сдѣлался надолго любимымъ типомъ русской сатиры и комедіи. „Madame, ты меня восхищаешь, — говоритъ въ „Бригадирѣ“ сынъ, объясняясь въ любви совѣтницѣ, — мы созданы другъ для друга; все несчастіе мое состоитъ въ томъ только, что ты русская!“ — „Это, ангелъ мой, конечно, для меня ужасная погибель“, — отвѣчаетъ совѣтница. „Это такой défaut, котораго ничѣмъ загладить уже нельзя, — продолжаетъ сынъ. — Дай мнѣ въ себѣ волю. Я не намѣренъ въ Россіи умереть. Я сыщу occasion favorable увезти тебя въ Парижъ. Тамъ остатки дней нашихъ, les restes de nos jours, будемъ имѣть утѣшеніе проводить съ французами; тамъ увидишь ты, что есть между прочими и такіе люди, съ которыми я могу имѣть société“. Комедія, конечно, очень опасный историческій источникъ: она показываетъ явленіе въ преувеличенномъ видѣ, доводя его очертанія до карикатуры; но въ

основу карикатуры она кладетъ все-таки дѣйствительныя очертанія. Заграничное путешествіе, въ которое въ началѣ вѣка нужно было посылать насильно, сдѣлалось къ половинѣ вѣка однимъ изъ самыхъ любимыхъ удовольствій.

Западная книга, иностранецъ въ Россіи и русскій за границей — таковы были проводники западнаго вліянія въ первой половинѣ XVIII в. Какими чертами отразилось это вліяніе на русскомъ дворянствѣ? Въ этой встрѣчѣ отечественнаго съ западнымъ на первыхъ порахъ много было ненужнаго и незрѣлаго, карикатурнаго и смѣшного. Но были и цѣнныя пріобрѣтенія. Наиболѣе дорогою была открывшаяся возможность идейнаго общенія съ просвѣщенными странами, хранительницами плодовъ долговременной умственной работы и возможность заимствованія оттуда того общечеловѣческаго, которое въ этихъ западныхъ плодахъ заключалось. Если поискать, можно найти нѣкоторый запасъ западныхъ идей уже въ русскомъ обществѣ первой половины XVIII в. Стали понемногу проникать въ Россію пріобрѣтенія научной мысли. Всего болѣе широкій доступъ въ этой области къ русскому обществу нашли себѣ идеи политической философіи. Успѣхи, которыхъ достигла политическая мысль въ Европѣ въ XVII и XVIII в., совпали съ повышеннымъ интересомъ къ политическимъ вопросамъ въ русскихъ людяхъ эпохи Петра, которымъ пришлось быть очевидцами и участниками преобразованія всего государственнаго строя, предпринятаго въ столь широкихъ размѣрахъ. Въ законодательствѣ Петра отразилось преклоненіе передъ разумомъ, какъ источникомъ и основаніемъ политики; въ политическихъ трактатахъ Ѳеофана Прокоповича, въ дебатахъ дворянскихъ кружковъ, обсуждавшихъ въ 1830 г. вопросы государственнаго права, легко замѣтить понятія, навѣянныя раціоналистической теоріей. Естественное право, естественное состояніе, договорное происхожденіе государства — весь этотъ багажъ запад-

ной политической мысли XVII в. здѣсь налицо. Не слѣдуетъ однако преувеличивать размѣровъ этого идейнаго вліянія: оно было очень поверхностно. Идеи не находили себѣ пока въ Россіи удобной почвы, подготовленной долгой и упорной воспитательной работой. А вѣдь только при такомъ условіи онѣ входятъ въ плоть и кровь, дѣлаются существенной принадлежностью организма, слагаются въ цѣльное міровоззрѣніе, регулируютъ поведеніе, подчиняютъ себѣ привычки и претворяются въ инстинкты. Иначе онѣ остаются непроизводительною и летучею начинкою головы, быстро испаряющеюся. Вотъ почему и политическія идеи, сверкнувшія въ 1730 г., быстро вывѣтривались изъ головъ, будучи не болѣе какъ случайно занесеннымъ туда элементомъ. Только очень медленно и туго результаты западной мысли будутъ прокладывать себѣ путь въ русскую жизнь и измѣнять ее. Но залогъ ихъ будущаго успѣха можно видѣть въ томъ иногда еще смутномъ чувствѣ уваженія къ западу, которое стало у насъ обнаруживаться въ XVIII вѣкѣ. Въ его просвѣщеніи стали сознавать превосходство, его учрежденіямъ и порядкамъ стремились подражать. Реформы Петра, произведенныя по западному образцу, цѣнились современниками, какъ пріобщеніе Россіи къ семьѣ западныхъ народовъ. „Ваше величество, — писалъ разъ Петру одинъ изъ дипломатовъ его времени, князь Г. Ѳ. Долгоруковъ, — милосердуя о народѣ своего государства, изволите непрестанно безпокойно трудиться, чтобы оный изъ прежнихъ *азіатскихъ* обычаевъ вывесть и обучить, какъ всѣ народы христіанскіе въ Европѣ обходятся“. Ту же мысль высказывалъ Петру и сенатъ въ привѣтствіи по случаю поднесенія ему императорскаго титула, говоря, что благодаря дѣятельности Петра русскіе „присовокуплены въ общество политичныхъ народовъ“. Западное устройство и отношенія получали значеніе хорошаго примѣра. Во время извѣстнаго раздора верховнаго тайнаго совѣта съ дворянствомъ въ 1730 г. руководитель

совѣта кн. Д. М. Голицынъ, пытаясь привлечь положеніе дворянства, включилъ въ текстъ составленной имъ тогда присяги, которая должна была имѣть значеніе конституціонной хартіи, параграфъ, гдѣ заключалось обѣщаніе со стороны императорской власти дворянство содержать въ такой же „консидераціи“, какъ это бываетъ въ западныхъ странахъ. Кругозоръ русскаго наблюдателя расширялся. Возникла возможность сравнивать свое съ чужимъ, развивалось еще въ XVII в. замѣтное критическое отношеніе къ родной дѣйствительности. Неприглядныя стороны этой дѣйствительности возбуждали нерѣдко стыдъ за нее передъ тѣмъ новымъ обществомъ, въ которое вошла теперь Россія. На одномъ изъ тѣхъ же дворянскихъ совѣщаній зимой 1730 г., на которомъ собрались представители высшаго чиновнаго слоя этого сословія, раздавались горячіе возгласы противъ произвола, съ которымъ дѣйствовала въ тѣ годы политическая полиція. Нѣкоторые члены собранія съ негодованіемъ заявляли, что существованіе тайной канцеляріи, которая иногда только за одно неосторожно сказанное слово арестуетъ, пытаетъ, казнитъ и конфискуетъ имущество, лишая всякихъ средствъ къ жизни ни въ чемъ неповинныхъ младенцевъ-наслѣдниковъ,— что это существованіе — позоръ для Россіи передъ западными народами. Способность критически взглянуть на самихъ себя и устыдиться за родные грѣхи и недочеты была, можетъ быть, самымъ цѣннымъ пріобрѣтеніемъ, вынесеннымъ русскимъ обществомъ изъ знакомства его съ западомъ. Чувство стыда влекло за собой раскаяніе, которое въ свою очередь вызывало рѣшимость бросить ошибочный путь и итти по новому направленію.

Разумѣется, до идей было рано, когда надо было пріобрѣтать еще знакомство съ самымъ орудіемъ ихъ распространенія — языкомъ. Это знакомство сдѣлало быстрые успѣхи. Какъ ни плохи и смѣшны были иностранцы-учителя, какой скудный запасъ понятій они ни приносили,

они все-таки оказали русскому обществу услугу, научивъ его по крайней мѣрѣ своимъ языкамъ. Западная книга становилась доступна, и иностранецъ пересталъ быть для насъ „нѣмцемъ“, т.-е. человѣкомъ, который молчалъ, потому что его не понимали. Уже при Петрѣ можно насчитать много случаевъ знанія иностранныхъ языковъ въ высшемъ обществѣ, въ особенности среди молодого поколѣнія. Въ библіотекѣ кн. Д. М. Голицына много книгъ на иностранныхъ языкахъ. Другой сподвижникъ Петра, гр. П. А. Толстой, самъ работаетъ въ качествѣ переводчика. Бергхольцъ отмѣчалъ въ своемъ дневникѣ русскихъ, знающихъ языки, и этихъ отмѣтокъ не мало. Капитанъ Измайловъ, котораго посылали въ Китай, говоритъ по-нѣмецки и по-французски, такъ какъ долго состоялъ на службѣ въ Даніи. 16 февраля 1722 г. въ квартирѣ у герцога голштинскаго былъ поставленъ очень знатный гвардейскій караулъ; въ его составъ входили: поручикъ кн. Долгорукій, который хорошо говорилъ по-французски; сержантъ молодой кн. Трубецкой, человѣкъ вообще недурно образованный, говорящій хорошо по-нѣмецки; капралъ молодой Апраксинъ, близкій родственникъ генералъ-адмирала, также хорошо знающій нѣмецкій языкъ. Кн. Черкасскій, молодой камергеръ при невѣстѣ герцога царевнѣ Аннѣ Петровнѣ, по отзыву того же Бергхольца, „кавалеръ очень пріятный и любезный, много путешествовалъ, хорошо образованъ, знаетъ основательно языки французскій и итальянскій“. Конечно, требованія Бергхольца на званіе образованнаго человѣка не Богъ вѣсть какія высокія, но они именно относятся къ манерамъ и къ знанію языковъ. Гр. Головинъ, сынъ покойнаго генералъ-адмирала, родившійся въ 1695 г., 11 лѣтъ былъ помѣщенъ въ московскую навигацкую школу, потомъ отправленъ въ Голландію, служилъ затѣмъ на англійскомъ кораблѣ, прекрасно владѣетъ французскимъ и англійскимъ языками. Дѣти гр. Головкина получили новое воспитаніе: сынъ слушалъ лекціи въ

Лейпцигѣ и Галле, дочь, вышедшая замужъ за П. И. Ягужинскаго, а затѣмъ за М. П. Бестужева-Рюмина, хорошо говорила по-нѣмецки. Знаменитая Н. Б. Шереметева, оставившая такіе трогательные мемуары, воспитывалась подъ надзоромъ иностранной гувернантки m-lle Штауденъ. Вся семья Долгорукихъ владѣла языками, такъ какъ члены этой семьи проходили обыкновенно дипломатическую карьеру или росли при родственникахъ — послахъ за границей, а самый видный изъ нихъ, кн. Василій Лукичъ, былъ, по отзыву герцога де-Лиріа, полиглотомъ, прекрасно говорилъ на многихъ языкахъ. Въ этой семьѣ случилось событіе, которое впослѣдствіи будетъ нерѣдкимъ въ нашемъ высшемъ обществѣ. Княгиня Ирина Петровна Долгорукая, урожденная Голицына, живя за границей съ мужемъ-дипломатомъ, приняла католичество. Возвратясь католичкой и вывезя съ собой нѣкоего аббата Жака Жюбе, княгиня попала за перемѣну религіи подъ слѣдствіе, а дѣти ея князья Александръ и Владиміръ по испытаніи въ Синодѣ оказались также сомнительными въ православной вѣрѣ и были отправлены въ Александроневскую семинарію для наставленія на истинный путь, При Петрѣ и при Аннѣ преобладалъ нѣмецкій языкъ. Въ 1733 г. изъ 245 русскихъ кадетовъ въ недавно тогда устроенномъ шляхетскомъ кадетскомъ корпусѣ русскому языку обучалось 18, французскому — 51, а нѣмецкому — 237 человѣкъ. Но съ Елизаветы перевѣсъ взяло французское вліяніе, и французскій языкъ сталъ языкомъ высшаго русскаго общества. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что и Германія находилась тогда подъ французскимъ вліяніемъ, нѣмецкій языкъ былъ въ загонѣ у самихъ нѣмцевъ, и король философъ Фридрихъ II писалъ не иначе какъ по-французски. Для того времени движеніе въ сторону французскаго языка знаменовало собою шагъ впередъ въ умственномъ развитіи русскаго общества. Неразвитой тогда нѣмецкій языкъ былъ языкомъ техника и военнаго инструктора; тонкій и гибкій француз-

скій — открывалъ доступъ въ область философіи и изящной литературы.

Это усвоеніе иностранныхъ языковъ имѣло, правда, и обратную сторону. Во-первыхъ, оно портило родной языкъ, вводя въ него множество варваризмовъ. Діалоги такихъ поклонниковъ запада, какъ знакомая намъ совѣтница изъ „Бригадира“, заявляющая, что „мериты должны быть респектованы“ и что она „капабельна взбѣситься“ или какъ ея обожатель, признающійся, что и ему „этурдери свойственна“, кажутся намъ карикатурными. Но прочтите очень интересную „Исторію о царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ“, принадлежащую перу кн. Куракина, русскаго дипломата эпохи Петра, гдѣ онъ, описывая дѣтство царя, говоритъ, что царица Наталья Кирилловна была „править инкапабель“, и далѣе характеризуетъ ея брата Льва Кирилловича, какъ человѣка, предававшагося пьянству и если дѣлавшаго добро, то „безъ резону по бизаріи своего гумору“; или просмотрите его не менѣе любопытныя записки, гдѣ онъ разсказываетъ, какъ въ Италіи онъ былъ сильно „иннаморатъ“ въ славную хорошествомъ нѣкую „читтадину“, вслѣдствіе чего у него едва не вышло duellio съ однимъ „жентильомомъ“, и вы увидите, что авторъ комедіи не давалъ своей карикатурѣ слишкомъ широкаго размаха. Можетъ быть, не меньшимъ зломъ, чѣмъ порча родного языка, было то забвеніе и пренебреженіе, которымъ онъ сталъ подвергаться съ XVIII в. въ высшемъ русскомъ обществѣ, совершенно разучившемся на немъ говорить. „Можно сказать, — читаемъ въ составленной на французскомъ языкѣ автобіографической запискѣ гр. А. Р. Воронцова, который въ 12-лѣтнемъ возрастѣ зналъ отъ доски до доски Вольтера, Расина, Корнеля и Буало, — что Россія — единственная страна, гдѣ пренебрегаютъ изученіемъ родного языка и всего того, что относится до родины. Такъ называемые просвѣщенные люди въ Петербургѣ и въ Москвѣ стараются научить своихъ дѣтей французскому

языку, окружаютъ ихъ иностранцами, съ большими издержками нанимаютъ имъ учителей танцевъ и музыки и не заставляютъ ихъ учиться родному языку; такъ что это прекрасное воспитаніе, притомъ столь дорогое, ведетъ къ полному незнанію родной страны, равнодушію, можетъ быть даже къ пренебреженію къ странѣ, которой обязаны существованіемъ, и къ привязанности ко всему тому, что относится къ обычаямъ и странамъ чужимъ, въ особенности же къ Франціи". Но если отсутствіе отечествовѣдѣнія и составляло большой пробѣлъ въ образованіи русскихъ людей XVIII в., то что касается до родного языка, онъ неизбѣжно долженъ былъ испытывать нѣкоторое пренебреженіе, такъ какъ не поспѣвалъ за мыслью и отставалъ отъ идей времени. Человѣкъ, воспитанный на Вольтерѣ и Буало, познакомившійся съ французской философской мыслью, очень бы затруднился передавать новыя идеи на родномъ языкѣ: онъ былъ слишкомъ бѣденъ и неуклюжъ для того богатства и тонкости мысли, какихъ достигла эта философія, и потребовалась долгая и упорная работа надъ русскимъ языкомъ цѣлаго ряда писателей, чтобы приспособить его къ этой цѣли. Вотъ почему образованные люди XVIII в. предпочитали писать, говорить и даже думать по-французски: такъ было удобнѣе въ тѣхъ случаяхъ, когда содержаніемъ этихъ писаній, разговоровъ и думъ были новыя понятія и идеи, для которыхъ родной языкъ былъ недостаточенъ. Эта привычка портила и повергала въ забвеніе родной языкъ, зато она давала доступъ идеямъ.

Всего болѣе доступно было русскому обществу и всего болѣе широко на него подѣйствовало западное вліяніе въ томъ, что касалось внѣшней формы и матеріальной обстановки. Это было вполнѣ естественно. Когда дѣти сближаются съ взрослыми, они прежде всего стараются походить на послѣднихъ по внѣшности; когда некультурные народы соприкасаются съ культурными, они прежде всего перенимаютъ матеріальную культуру и за-

тѣмъ уже съ гораздо большимъ трудомъ подвергаются воздѣйствію духовной. Внѣшняя обстановка: жилище съ его убранствомъ, одежда, столъ, мелочи обихода, внѣшнія житейскія отношенія и на первомъ и главномъ мѣстѣ удовольствія жизни — вотъ содержаніе этого матеріальнаго элемента западнаго вліянія. Его проводникомъ былъ дворъ, а его объектомъ тотъ общественный классъ, для котораго жизнь двора служитъ обязательнымъ примѣромъ. Уже въ обстановкѣ кремлевскаго дворца при царѣ Алексѣѣ можно было указать много предметовъ житейскаго обихода западнаго происхожденія, соблазнительныхъ въ глазахъ истаго приверженца московскаго благочестія. Царь Алексѣй любилъ посмотрѣть иностранную картину, послушать игру нѣмца органиста, завелъ у себя даже нѣмецкій театръ. Тѣмъ не менѣе шагъ, сдѣланный его сыномъ, нельзя не признать очень рѣшительнымъ. Резиденція была перенесена далеко отъ насиженнаго мѣста, далеко отъ московскихъ святынь, подъ сѣнію которыхъ чувствовали себя спокойно старинные цари. Въ новой столицѣ были построены небольшіе дворцы, украшенные иноземными картинами и статуями, вывезенными по заказу Петра изъ-за границы и выбранными не безъ вкуса. Заведенъ новый придворный штатъ съ камергерами и камеръ-юнкерами, и дворъ Петра, по отзыву иностранныхъ наблюдателей, сталъ очень похожъ на дворъ нѣмецкаго государя средней величины. Чинные торжественные выходы московскихъ царей и скучные парадные обѣды во дворцѣ, оглашаемые грубою мѣстнической бранью, смѣнились теперь совсѣмъ новымъ придворнымъ европейскимъ этикетомъ. Правда, широкая русская натура то и дѣло выходила изъ этихъ узкихъ нѣмецкихъ рамокъ во время рождественскихъ славленій, когда Петръ съ многочисленной шумной и пьяной компаніей объѣзжалъ дома вельможъ и именитаго купечества, когда онъ исполнялъ обязанности протодьякона на засѣданіяхъ всешутѣйшаго и всепьянѣйшаго собора или когда,

празднуя спускъ новаго корабля, онъ объявлялъ во всеуслышаніе, что тотъ бездѣльникъ, кто по такому радостному случаю не напьется допьяна, при чемъ послѣ шестичасового угощенія участники пира сваливались подъ столъ, откуда ихъ выносили замертво. Но къ концу царствованія эти широкіе размахи слабѣли, и Петръ сталъ находить удовольствіе въ увеселеніяхъ болѣе скромнаго характера, къ которымъ и пріучалъ общество. Вслѣдствіе тѣсноты дворцовыхъ помѣщеній придворныя собранія лѣтомъ происходили въ императорскомъ лѣтнемъ саду, очень хорошо устроенномъ по отзыву Бергхольца, съ правильно разбитыми клумбами и аллеями, съ гротомъ, украшеннымъ статуями, рѣдкими раковинами и кораллами, съ фонтанами и органомъ, приводившимся въ дѣйствіе водою и хорошо игравшимъ. По пушечному сигналу въ пять часовъ вечера къ саду приставала цѣлая флотилія небольшихъ судовъ, привозившихъ по Невѣ приглашенное общество. Вечеръ начинался прогулкой, затѣмъ бывали танцы, до которыхъ Петръ былъ большой охотникъ и въ которыхъ онъ бралъ на себя роль распорядителя, придумывая все новыя и новыя замысловатыя фигуры, какія-нибудь „капріоли“ или какой-нибудь Kettentanz, приводившія въ замѣшательство танцоровъ и вызывавшія общую потѣху. Угощеніе на этихъ придворныхъ вечерахъ было грубовато, подавали простую водку къ великому неудовольствію иностранцевъ и дамъ.

Въ слѣдующія царствованія въ императорскомъ обиходѣ появляется роскошь, которая поражаетъ иностранцевъ. „Императрица Анна щедра до расточительности, — пишетъ испанскій посолъ де-Лиріа, — любитъ пышность чрезмѣрно, отчего дворъ ея великолѣпіемъ превосходитъ всѣ прочіе европейскіе“. „Она любила порядокъ и великолѣпіе, вторитъ ему фельдмаршалъ Минихъ, и никогда дворъ не былъ такъ хорошо устроенъ, какъ при ней“. Зимній дворецъ, построенный Петромъ, показался ей уже слишкомъ тѣсенъ, и она выстроила новый трехъ-

этажный въ 70 комнатъ разной величины съ тронной и театральной залами. Въ послѣдніе годы царствованія Петра весь расходъ на содержаніе двора составлялъ около 186 тыс. руб. При Аннѣ съ 1733 г. только на придворный столъ тратилось 67 тыс. руб. Императрица была страстной охотницей и любительницей лошадей. Она ловко ѣздила верхомъ и мѣтко стрѣляла изъ ружья, не промахиваясь по птицѣ на лету. Для нея былъ устроенъ обширный манежъ и заведенъ былъ конюшенный штатъ изъ 379 лошадей и еще большаго количества состоявшихъ при нихъ людей. Придворная охота, совсѣмъ упраздненная при Петрѣ, при Аннѣ была громадна, и русскіе послы въ Парижѣ и Лондонѣ среди важныхъ дипломатическихъ дѣлъ должны были исполнять императорскія порученія по закупкѣ цѣлыхъ партій заграничныхъ охотничьихъ собакъ, за которыхъ платились тысячи рублей. Роскошь при дворѣ заражала и высшее общество. Появилось щегольство въ одеждѣ, открытые столы, неизвѣстныя до тѣхъ поръ дорогія вина: шампанское и бургонское. „Вмѣсто малаго числа комнатъ, — разсказываетъ Щербатовъ, — уже по множеству стали имѣть, яко свидѣтельствуютъ сіе того времени построенныя зданія. Зачали домы сіи обивать штофными и другими обоями, почитая неблагопристойнымъ имѣть комнату безъ обой; зеркалъ, которыхъ сперва весьма мало было, уже во всѣ комнаты и большія стали употреблять. Екипажи тоже великолѣпіе восчювствовали: богатыя позлащенныя кареты съ точеными стеклами, обитыя бархатомъ съ золотыми и серебряными бахрамами; лучшія и дорогія лошади, богатыя тяжелыя и позлащенныя и серебряныя шоры съ кутасами шелковыми и съ золотомъ или серебромъ; также богатыя ливреи стали употребляться“. Еще шагъ впередъ въ смыслѣ роскоши при Елизаветѣ. Тутъ уже, по свидѣтельству того же Щербатова, экипажи „возблистали золотомъ“, дворъ облекался въ златотканныя одежды, „подражаніе роскошнѣйшимъ народамъ возра-

стало, и человѣкъ дѣлался почтителенъ (т.-е. почтенъ) по мѣрѣ великолѣпности его житья и уборовъ". Съ растущимъ великолѣпіемъ въ придворный обиходъ все болѣе проникаетъ искусство, облекая роскошь въ изящныя элегантныя западно-европейскія формы. Дворцы строятся знаменитымъ Растрелли. При Аннѣ появились при дворѣ итальянская опера, а при Елизаветѣ среди пѣвцовъ этой оперы блистали звѣзды первой величины. Устраиваются и русскіе спектакли, въ которыхъ актерами выступаютъ воспитанники шляхетскаго кадетскаго корпуса, а придворный балетмейстеръ Landet вводитъ грацію и изящество въ чинные и церемонные менуэты, которымъ съ увлеченіемъ предается придворное общество, и съ какимъ увлеченіемъ! Нужно было обладать крѣпостью нервовъ, свойственной людямъ того времени, чтобы выдерживать эти безконечныя увеселенія. Придворный маскарадъ въ Москвѣ въ 1731 г. въ годовщину возстановленія самодержавія начался 8 февраля и затѣмъ тянулся цѣлыхъ десять дней. Но продолжительныя по времени придворныя торжества полны чиннаго этикета, и оргіи петровскаго царствованія отошли уже въ область преданій. 2 января 1751 г. „какъ знатныя обоего пола персоны и иностранные господа министры, такъ и все знатное дворянство съ фамиліями отъ 6 до 8-го часа имѣли пріѣздъ ко двору на маскарадъ въ богатомъ маскарадномъ платьѣ, и собирались въ большой залѣ, гдѣ въ осьмомъ часу началась музыка на двухъ оркестрахъ и продолжалась до семи часовъ пополуночи. Между тѣмъ убраны были столы кушаньемъ и конфектами для ихъ императорскихъ высочествъ съ знатными обоего пола персонами и иностранными господами министрами въ особливомъ покоѣ, а для прочихъ находившихся въ томъ маскарадѣ персонъ въ прихожихъ парадныхъ покояхъ на трехъ столахъ, на которыхъ поставлено было великое множество пирамидъ съ конфектами, также холодное и жаркое кушанье. Въ одной большой залѣ и въ парад-

ныхъ покояхъ въ паникадилахъ и крагштейнахъ горѣло свѣчъ до 5.000, а въ маскарадѣ было обоего полу до 1.500 персонъ, которыя всѣ по желанію каждаго разными водками и наилучшими виноградными винами, также кофеемъ, шоколадомъ, чаемъ, оршатомъ и лимонадомъ и прочими напитками довольствованы". Такъ описывался придворный балъ въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" того времени. Увеселенія прогрессируютъ быстрѣе другихъ элементовъ общественной жизни. Звуки бальной музыки, волны свѣта, заливающія залы, лица въ маскахъ, мелькающія въ танцахъ пары — какъ все это далеко отъ церковнаго ритуала московскаго царскаго двора!

Новыя формы свѣтскихъ отношеній и новыя увеселенія легко прививались къ русскому обществу, и эта сторона реформы стоила правительству наименьшихъ усилій. Съ бородою и стариннымъ платьемъ дворянство начала XVIII в. разсталось безъ тяжелаго чувства и довольно быстро, говоря словами Щербатова, „преобразовались россіяне изъ бородатыхъ въ гладкіе и изъ долгополыхъ въ короткополые". Правда, ассамблеи вводились принудительнымъ путемъ, и зимой 1722 г., когда дворъ прибылъ въ Москву и въ Преображенскомъ назначена была ассамблея, пришлось пустить въ ходъ угрозу, чтобы привлечь на нее московскихъ дамъ и дѣвицъ. Можетъ быть, принудительный характеръ этихъ собраній при Петрѣ отражался и на томъ принужденномъ тонѣ, который царилъ на нихъ и поражалъ иностранца. „Что мнѣ не нравится въ ассамблеяхъ, — пишетъ Бергхольцъ, — такъ это, во-первыхъ, то, что въ комнатѣ, гдѣ дамы и гдѣ танцуютъ, курятъ табакъ и играютъ въ шашки, отъ чего бываетъ вонь и стукотня, вовсе неумѣстныя при дамахъ и при музыкѣ; во-вторыхъ, то, что дамы всегда сидятъ отдѣльно отъ мужчинъ, такъ что съ ними не только нельзя разговаривать, но не удается почти сказать и слова: когда не танцуютъ, всѣ сидятъ, какъ нѣмыя, и только смотрятъ другъ на друга". Принужденіе

къ увеселеніямъ этого рода распространялось даже на духовенство и притомъ на черное. Въ декабрѣ 1723 г. вышелъ указъ первоприсутствующаго въ синодѣ объ очереди ассамблей въ московскихъ монастыряхъ. 29 декабря по этому указу состоялась ассамблея у архимандрита Донскаго монастыря, на которой были: президентъ синода архіепископъ новгородскій Ѳеодосій Яновскій, архіепископъ крутицкій Леонидъ, архимандриты другихъ московскихъ монастырей и высшіе чиновники синодальной конторы и монастырскаго приказа изъ свѣтскихъ лицъ. За Донскимъ монастыремъ послѣдовали ассамблеи въ другихъ. Съѣзжались въ третьемъ часу пополудни; хозяевамъ не воспрещалось, какъ гласилъ указъ первоприсутствующаго, гостей „трактовать и обѣдомъ“. Это новшество въ духовной средѣ вызывало неудовольствіе со стороны поборниковъ строгихъ нравовъ. „Оставя церковныя службы и монашеское преданное правило, — писалъ впослѣдствіи митрополитъ казанскій Сильвестръ въ доносѣ на Ѳеодосія, иниціатора этихъ ассамблей, — уставилъ у себя *самлеи* съ музыкою и тѣшился въ карты и шахматы и въ томъ ненасытно забавлялся. И бывшимъ въ Москвѣ архіереямъ также и въ московскихъ монастыряхъ архимандритамъ сочиня вседневную роспись, велѣлъ самлеямъ быть съ различными потѣхами“. Но въ свѣтской средѣ такого неудовольствія не было. Ассамблея пришлась русскому обществу по вкусу, быстро распространялась, и выведенная въ общество женщина, скоро освобождаясь отъ застѣнчивости, начинала чувствовать себя въ немъ хозяйкой. „Пріятно было женскому полу, — повѣствуетъ объ этой перемѣнѣ Щербатовъ, — бывшему почти до сего невольницами въ домахъ своихъ, пользоваться всѣми удовольствіями общества, украшать себя одѣяніями и уборами, умножающими красоту лица ихъ и оказующими ихъ хорошій станъ; не малое жъ имъ удовольствіе учинило, что могли прежде видѣть, съ кѣмъ на вѣкъ должны совокупиться, и что

лица жениховъ ихъ и мужей уже не покрыты колючими бородами". Это сближеніе половъ не только смягчало нравы, но и порождало новыя чувства и настроенія, не извѣстныя до тѣхъ поръ. „Страсть любовная, — продолжаетъ тотъ же писатель, — до того почти въ грубыхъ нравахъ незнаемая, начала чувствительными сердцами овладѣвать, и первое утвержденіе сей перемѣны отъ дѣйствія чувствъ произошло!... О коль желаніе быть пріятной дѣйствуетъ надъ чувствіями женъ!" Ассамблеи давали мѣсто для практики тѣхъ чувствъ, теорія которыхъ вычитывалась изъ какого-нибудь переводнаго французскаго романа подъ заглавіемъ „Эпаминондъ и Целеріана", дававшаго „понятіе о любовной страсти со стороны весьма нѣжной и прямо романтической", какъ это испыталъ на себѣ Болотовъ. „Все, что хорошею жизнью зовется, — вспоминаетъ онъ о елизаветинскихъ временахъ — тогда только что заводилось, равно какъ входилъ въ народъ тонкій вкусъ во всемъ. Самая нѣжная любовь, толико подкрѣпляемая нѣжными и любовными въ порядочныхъ стихахъ сочиненными пѣсенками, тогда получала первое только надъ молодыми людьми свое господствіе". Къ половинѣ вѣка западныя забавы проникаютъ уже въ деревню въ помѣщичьи усадьбы, и тамъ происходятъ своего рода ассамблеи, тяжеловатыя и грубоватыя, какъ все въ деревнѣ, появляются карты и танцуютъ менуэты и контрдансы. Въ 1752 г. юноша Болотовъ, возвращаясь изъ Петербурга къ себѣ въ родную тульскую деревню, заѣхалъ къ зятю псковскому помѣщику Неклюдову, женатому на его старшей сестрѣ, и попалъ какъ разъ на ея именины. Именины праздновались на славу. Былъ большой съѣздъ окрестныхъ помѣщиковъ и, конечно, съ семействами. Пріѣхалъ П. М. Суморoцкій, важный сосѣдъ въ полковничьемъ чинѣ, уважаемый всею округою, и привезъ съ собою, по просьбѣ хозяина, свой домашній оркестръ изъ нѣсколькихъ дворовыхъ скрипачей, которые въ свободное отъ занятій искусствомъ

время помогали хозяйскимъ лакеямъ прислуживать за столомъ. Пріѣхалъ другой Сумороцкій, небогатый маленькій и худенькій человѣкъ съ „претолстою и предородною“ женою и съ тремя изъ безчисленнаго количества дочерей всѣхъ возрастовъ, изъ которыхъ состояла его семья. Пріѣхалъ помѣщикъ Брылкинъ „изъ простаковъ, любившій отмѣнно курить табакъ и выпить иногда лишнюю рюмку“, сильно надоѣвшій своими разспросами Болотову. Пріѣхали многіе другіе, именъ которыхъ не сохранила память автора воспоминаній. Обѣдъ, какъ и подобало торжественному случаю, тянулся нѣсколько часовъ. Послѣ обѣда общество предалось увеселеніямъ. Молодежь занялась танцами, при чемъ Болотовъ, щеголяя сшитымъ въ Петербургѣ синимъ кафтаномъ съ бѣлыми разрѣзными обшлагами, долженъ быть открыть менуэтъ, танцуя въ первой парѣ съ полковничьей дочерью. Дамы сѣли за карточные столы, забавляясь какою-то игрою въ „памфелъ“, мужчины продолжали бесѣду, за рюмкой. Наконецъ, оживленіе, все возрастая, охватило всѣхъ; карты и разговоры были брошены, все пустилось въ плясъ. Элементы отечественной культуры взяли верхъ надъ европейской, и чинный западный менуэтъ уступилъ мѣсто русской, подъ пѣсни дворовыхъ дѣвокъ и лакеевъ. Такъ продолжалось до ужина. Гости, разумѣется, ночевали у радушнаго хозяина и стали разъѣзжаться только на другой день послѣ обѣда.

II.

Отечественныя основы.

Нѣкоторый небольшой запасъ идей, иностранная литература и языки, европейскія формы жизни и обстановка, пожалуй, даже новыя чувства — всѣ эти блестки, появившіяся на русскомъ дворянствѣ съ XVIII в., золотили только верхи класса. Въ окутанные темнотой глубокіе

провинціальные его слои проникали отъ этого блеска лишь едва замѣтно мерцающіе лучи. Эта темная масса въ первой половинѣ XVIII в. живетъ всецѣло нетронутыми родными преданіями. Впрочемъ, если присмотрѣться внимательнѣе, не трудно замѣтить непрочность, а нерѣдко и сомнительное качество той позолоты, которая украшала вершины. И здѣсь по большей части эта легко отдѣляемая мишура очень неполно прикрывала тѣ же роднившія верхи съ низами, одинаково имъ общія невзрачныя черты. Различіе сказывалось лишь во внѣшнемъ видѣ; основа здѣсь и тамъ была одна и та же. Эта ея тождественность происходила отъ одинаковости того хозяйственнаго фундамента, на которомъ классъ держался. Мы и должны теперь познакомиться съ вліяніемъ этой хозяйственной обстановки. Прогулка по нѣсколькимъ дворянскимъ усадьбамъ первой половины XVIII в. будетъ для этой цѣли нелишней. Начнемъ съ большихъ подмосковныхъ вотчинъ.

Вотъ село Ясенево въ Московскомъ уѣздѣ, принадлежавшее Лопухинымъ и въ 1718 г. отписанное на государя. Опись, сдѣланная по поводу конфискаціи, позволяетъ намъ составить себѣ представленіе о большой барской усадьбѣ въ то время. Въ селѣ ветхая деревянная церковь объ одной главѣ съ стариннаго письма иконостасомъ. Двухъ-этажный барскій домъ, также деревянный, построенъ изъ сосноваго и еловаго лѣсу и крытъ тесомъ на четыре ската. Въ немъ, кромѣ сѣней и чулановъ, 7 комнатъ, или свѣтлицъ, изъ которыхъ двѣ въ верхнемъ и пять въ нижнемъ этажѣ. Стѣны въ нѣкоторыхъ свѣтлицахъ обтянуты выбѣленнымъ полотномъ; окна не вездѣ стеклянныя, есть и слюдяныя. Меблировка состояла изъ обычныхъ лавокъ по стѣнамъ, липовыхъ и дубовыхъ столовъ, шкаповъ, дюжины простыхъ стульевъ и полдюжины витыхъ, обитыхъ кожею. Украшеніемъ стѣнъ служили иконы, но, кромѣ нихъ, опись насчитала болѣе 30 картинъ иностраннаго происхожденія („листы печат-

ные фряжскіе"). При хоромахъ неизбѣжная мыльня. Барскій дворъ, огороженный заборомъ съ воротами, затѣйливо украшенными точеными балясами, занималъ пространство почти въ десятину. Здѣсь помѣщался особый господскій флигель изъ двухъ свѣтлицъ и цѣлый рядъ хозяйственныхъ построекъ: поварня съ двумя „приспѣшными" избами, изба приказчика, пивоварня съ необходимой для пивоваренія посудой и обстановкой, погребъ и ледникъ съ напогребицею, конюшня о 9 стойлахъ, изба для конюха, двѣ житницы. Къ главному двору примыкали еще: скотный дворъ съ сараями, хлѣвами и избами для скотниковъ и для птицъ и „остоженный" (сѣнной) дворъ съ двумя амбарами. Съ двухъ сторонъ къ забору усадьбы подходилъ громадный фруктовый садъ, расположенный на трехъ съ половиною десятинахъ, съ прудами и деревянной шатровой бесѣдкой. Опись насчитала въ немъ 1800 разнаго рода яблонь, многія сотни сливы и вишенъ. Замѣтенъ и нѣкоторый эстетическій вкусъ: въ саду разбитъ былъ небольшой цвѣтникъ, обсаженный съ четырехъ сторонъ красною смородиной.

Вотъ другая подмосковная также большого барина кн. Д. М. Голицына, извѣстнаго верховника, какъ ее застала опись, произведенная въ 1737 г. также по случаю конфискаціи. Это село Богородское на югѣ Московскаго уѣзда на рѣкѣ Пахрѣ, ранѣе принадлежавшее князьямъ Одоевскимъ. Мы совсѣмъ не найдемъ здѣсь той роскоши, которою, по словамъ Щербатова, стали блистать столичные дома. Небольшой старинный господскій домъ состоитъ всего изъ двухъ свѣтлицъ. Въ числѣ украшеній упомянуты образа „черкасской" работы, можетъ быть, вывезенные княземъ изъ Кіева, гдѣ онъ былъ губернаторомъ, а также семь картинъ въ черныхъ рамахъ, одна изъ которыхъ изображала Полтавскую баталію, а на прочихъ были „литеры латинскія", оставшіяся непонятными для подьячаго, производившаго опись. Деревенская усадьба еще не служитъ постояннымъ мѣстомъ житья знатнаго барина, мѣ-

стомъ его осѣдлости. Деревня для него только источникъ ресурсовъ, питающихъ его обширную и населенную, во всемъ подобную деревенской, но уже богаче отдѣланную усадьбу въ столицѣ, гдѣ онъ живетъ постоянно.

Для болѣе близкаго знакомства съ бытомъ провинціальныхъ глубинъ класса посѣтимъ нѣсколько провинціальныхъ усадебъ. Тамъ обстановка еще проще. Псковскіе помѣщики по воспоминаніямъ Болотова въ 50-хъ годахъ жили очень зажиточно. У его зятя Неклюдова въ его благоустроенномъ имѣніи былъ хорошо отдѣланный домъ съ оштукатуренными и расписанными масляными красками стѣнами, что, очевидно, было рѣдкостью и обращало на себя вниманіе. Домъ раздѣлялся, какъ и вообще принято было тогда у псковскихъ помѣщиковъ, на двѣ половины: жилую, которую постоянно занимали хозяева, и парадную для пріема гостей. Болѣе скромна усадьба самого автора воспоминаній. Тульское дворянство замѣтно измельчало, въ особенности благодаря семейнымъ раздѣламъ. У крупныхъ собственниковъ есть вотчины, включающія въ себя каждая село съ нѣсколькими деревнями. Но большею частью, селеніе раздроблено между нѣсколькими владѣльцами, такъ что на долю каждаго приходится по два, по три крестьянскихъ двора. Деревня Дворяниново на рѣчкѣ Скнигѣ, состоявшая всего изъ 16 крестьянскихъ дворовъ, принадлежала четыремъ помѣщикамъ, изъ нихъ тремъ Болотовымъ и въ числѣ этихъ послѣднихъ автору воспоминаній Андрею Тимоѳеевичу. Три барскихъ усадьбы расположены были тутъ же при деревнѣ и находились неподалеку одна отъ другой, саженяхъ въ 30—40. Въ усадьбѣ Андрея Тимоѳеевича возлѣ пруда, примыкая къ фруктовому саду съ конопляникомъ, окруженный кое-какими хозяйственными постройками, стоялъ барскій домъ. Надо отогнать обычное представленіе, возникающее у насъ при этихъ послѣднихъ словахъ. Ветхій домъ этотъ былъ очень не великъ и крайне невзрачнаго вида; одноэтажный, безъ фундамента, про-

стоявъ, можетъ быть, полстолѣтія, онъ какъ будто вросъ въ землю и непривѣтливо глядѣлъ своими крохотными оконцами со ставнями. Неуютно было и внутри его. Онъ заключалъ въ себѣ только три комнаты, но изъ этихъ трехъ одна большая зала была необитаема, потому что была холодной и не отапливалась. Она была скудно омеблирована. Вдоль тесовыхъ стѣнъ, сильно почернѣвшихъ отъ времени, тянулись скамьи, а въ переднемъ углу, украшенномъ множествомъ такихъ же почернѣвшихъ иконъ, стоялъ столъ, покрытый ковромъ. Двѣ другія небольшія комнаты были жилыми. Въ свѣтлой угольной громадная, выложенная разноцвѣтными изразцами печь распространяла тепло. На стѣнахъ такое же множество иконъ, и въ переднемъ углу висѣлъ кіотъ съ мощами, передъ которыми теплилась неугасимая лампада. Въ этой комнатѣ стояли нѣсколько стульевъ, комодъ и кровать. Здѣсь, почти не выходя изъ нея, жила, овдовѣвъ, мать Болотова. Третья сообщавшаяся съ сѣнями совсѣмъ уже маленькая комната служила въ одно и то же время дѣтской, дѣвичьей и лакейской. Отъ всего въ этомъ дворянскомъ домѣ вѣяло стариной XVII вѣка, и только тетрадь геометрическихъ чертежей, появившаяся вмѣстѣ съ молодымъ хозяиномъ, была новостью среди этой старинной обстановки. Записки майора Данилова сохранили намъ описаніе усадьбы одного изъ его родственниковъ, двоюроднаго дѣда, М. О. Данилова, человѣка довольно состоятельнаго: „Усадьба, гдѣ онъ жилъ, въ селѣ Харинѣ,— пишетъ майоръ.—презрядная была: два сада, прудъ и кругомъ всей усадьбы рощи. Церковь въ селѣ деревянная. Хоромы у него были высокіе на омшанкахъ и снизу въ верхнія сѣни была со двора предлинная лѣстница; оную лѣстницу покрывалъ вѣтвями своими превеликій, стоящій близь крыльца широкій и густой вязъ. Всѣ его высокіе и обширные съ виду хоромы состояли изъ двухъ жилыхъ горницъ, черезъ сѣни стоящихъ; въ одной горницѣ онъ жилъ зимою, а въ другой лѣтомъ“. Домъ другого Дани-

лова, брата предыдущаго, въ томъ же селѣ Харинѣ былъ еще того меньше; онъ состоялъ также изъ двухъ горницъ, но изъ нихъ только одна была бѣлая, т.-е. жилая, а другая, черная, служила вмѣсто кухни. Такого же вида помѣщичій домъ въ отдаленной вотчинѣ кн. Д. М. Голицына, въ селѣ Знаменскомъ Нижегородскаго уѣзда, описанномъ въ 1737 г. Въ немъ двѣ чистыя горницы, каждая по 5 оконъ, раздѣленныя между собою сѣнями: одна на жиломъ подклѣтѣ, другая на омшаникѣ. Окна въ обѣихъ слюдяныя, ветхія. Къ чистымъ горницамъ примыкала еще одна черная. Домъ покрытъ дранью, и вокругъ него обычныя хозяйственныя постройки: погребъ, двѣ конюшни, амбаръ, сарай, баня съ предбанникомъ, а также „земская изба“ — очевидно контора имѣнія. Таковы же усадьбы въ другихъ его вотчинахъ въ Бѣжецкомъ и Галицкомъ уѣздахъ: тѣ же двѣ-три горницы на подклѣти и на омшаникѣ, тѣ же сѣни между ними. Это, очевидно, общій типъ помѣщичьяго дома того времени.

Въ такихъ тѣсныхъ и невзрачныхъ, разбросанныхъ въ провинціальной глуши, гнѣздахъ и ютилось провинціальное дворянство въ первой половинѣ XVIII в. Впрочемъ, въ эту эпоху эти гнѣзда были довольно пусты: ихъ населеніе оттягивалось оттуда службой. „Околотокъ нашъ, — говоритъ Болотовъ, вспоминая свои дѣтскіе годы, — былъ тогда такъ пустъ, что никого изъ хорошихъ и богатыхъ сосѣдей въ близости къ намъ не было“. Въ особенности пустынны были дворянскія усадьбы въ долгое царствованіе Петра. Городовой дворянинъ XVI—XVII вв. проводилъ дома по крайней мѣрѣ свободное время между походами. Съ возникновеніемъ постоянной арміи, которая была занята непрерывною и тяжелою войною, такія поголовные роспуски служилыхъ людей прекратились; они замѣнены были увольненіями отдѣльныхъ лицъ въ кратковременные отпуски. Петровскому дворянину надолго приходилось разставаться съ родными полями и рощами,

среди которыхъ протекало его дѣтство и о которыхъ онъ могъ хранить только смутное представленіе къ тому времени, когда, устарѣвъ и одряхлѣвъ, онъ получалъ отставку. Въ 1727 г. нѣкій бригадиръ Кропотовъ доносилъ сенату, что въ своемъ помѣстьѣ онъ не бывалъ съ 1700 г., т.-е. цѣлые 27 лѣтъ. Только послѣ Петра служебное бремя дворянина постепенно слабѣетъ. Его военная служба становится все менѣе нужной, такъ какъ рядовой контингентъ постоянной регулярной арміи пополняется посредствомъ рекрутскихъ наборовъ изъ податныхъ сословій, и дворянство нужно въ ней только для занятія офицерскихъ мѣстъ. Въ то же время введеніе подушной подати создало для дворянина новую обязанность, которая на первый планъ выдвинула его землевладѣльческое значеніе. Онъ сталъ отвѣтственнымъ передъ правительствомъ сборщикомъ подушной подати съ своихъ крестьянъ. Эта новая финансовая обязанность, перевѣшивая военную, требовала присутствія дворянина въ деревнѣ, и послѣ Петра мы видимъ цѣлый рядъ мѣръ къ облегченію и сокращенію срока дворянской службы, которыя содѣйствовали приливу дворянства въ родные углы. При Екатеринѣ I значительное число офицеровъ и солдатъ изъ дворянъ получили продолжительные отпуски для наблюденія за домашней экономіей. При Аннѣ по закону 1736 г. одинъ сынъ изъ дворянской семьи получалъ свободу отъ военной службы для занятій сельскимъ хозяйствомъ. Тогда же служба ограничена была срокомъ въ 25 лѣтъ, который при укоренившемся среди дворянъ обычаѣ записывать дѣтей на службу еще въ младенческіе годы для многихъ наступалъ очень рано. Начался отливъ дворянства въ провинцію. Но настоящимъ оживленіемъ провинція обязана болѣе позднимъ мѣрамъ: закону о дворянской вольности 1762 г., который наполнилъ провинцію дворянствомъ, и законамъ 1775 и 1785 гг., которые организовали это провинціальное дворянство въ дворянскія общества и привлекли эти общества къ уча-

стію въ мѣстной администраціи. Эта пустота провинціи въ первой половинѣ вѣка, невозможность видѣться съ людьми своего круга, жить общественными интересами не прошли безслѣдно для помѣщичьей психологіи. Онѣ убивали въ характерахъ общительность и дѣйствовали въ противоположность службѣ, развивавшей въ дворянскомъ кругу товарищескія чувства и отношенія. Одинокіе и рѣдкіе обитатели усадебъ, свободные отъ службы, дичали, и на ряду съ чертами радушія и гостепріимства, свойственными вообще славянской натурѣ и широко распространенными въ русскомъ дворянствѣ XVIII в., складывался также особый типъ угрюмаго и нелюдимаго помѣщика, замкнувшагося въ своей усадьбѣ, никуда не выѣзжавшаго и никого къ себѣ не принимавшаго, погруженнаго исключительно въ мелкіе интересы и дрязги своего крѣпостного люда и заботы о борзыхъ и гончихъ сворахъ. Выѣзжать было некуда, принимать было некого, такъ какъ сосѣдей не было на далекое разстояніе, и одиночество входило въ привычку. Мать Болотова „препровождала", по его словамъ, „въ деревнѣ жизнь совсѣмъ почти уединенную. Никто почти изъ лучшенькихъ сосѣдей къ ней и она ни къ кому не ѣзжала". Его дядя, человѣкъ скупой и завистливый, „любилъ отмѣнно жить въ уединеніи". Въ этомъ же уединеніи проводилъ дни дѣдъ другого автора мемуаровъ, майора Данилова, въ усадьбѣ котораго мы побывали. „Онъ никуда не ѣзжалъ по гостямъ, — пишетъ о немъ Даниловъ, хорошо его помнившій въ дѣтствѣ, — да я и не слыхивалъ, чтобъ и къ нему кто изъ сосѣдей равные ему дворяне ѣзжали". Эти черты характера, порожденныя условіями окружающей обстановки, въ какой приходилось жить дворянину, окажутся настолько прочными, что не поддадутся воспитательному дѣйствію провинціальныхъ общественныхъ учрежденій Екатерины, и, передаваясь по наслѣдству къ потомкамъ, создадутъ Плюшкина первой половины XIX в. Угрюмые и нелюдимые Болотовы и Даниловы временъ

Анны и Елизаветы ему сродни: вѣдь это его дѣды и прадѣды.

Безлюдная обстановка, окружавшая дворянское помѣстье извнѣ, порождала среди дворянства отдѣльные нелюдимые характеры. Тотъ строй, съ которымъ помѣщикъ встрѣчался внутри имѣнія, былъ еще обильнѣе психологическими послѣдствіями, кладя отпечатокъ не только на отдѣльныя особи, но и на весь классъ въ его цѣломъ. Основа этого строя — крѣпостное право, регулировавшее всѣ его подробности. За полвѣка оно сдѣлало значительные успѣхи, которымъ дали толчокъ нѣкоторыя нововведенія Петра и которымъ благопріятствовало властное положеніе дворянства, занятое имъ съ 1725 г. Рекрутскіе наборы вызывали бойкіе торговые обороты съ крѣпостными душами, создавъ спросъ на покупныхъ рекрутъ. Подушная подать втягивала въ крѣпостное право прежде свободныхъ людей, такъ какъ запись за помѣщика считалась лучшей гарантіей исправности платежа, и стерла прежнюю разницу между двумя видами крѣпостной зависимости: крестьяниномъ и холопомъ, такъ какъ тотъ и другой одинаково были обложены податью и оказались въ одинаковой зависимости отъ помѣщика. Возложивъ на помѣщика отвѣтственность за исправный платежъ подушной, государство расширило его права надъ крѣпостными, отказываясь въ его пользу отъ полиціи и юстиціи надъ населеніемъ имѣній. Крупная или средняя дворянская вотчина становится чѣмъ-то въ родѣ небольшого государства, маленькой копіей съ большого оригинала. Не даромъ законодательство Петра называетъ крѣпостныхъ помѣщика его „подданными“, прибѣгая въ этомъ случаѣ къ терминологіи государственнаго права. Въ такой вотчинѣ очень диференцированный соціальный строй. Въ самомъ барскомъ домѣ многочисленный придворный штатъ прислуги; въ отдѣльныхъ дворахъ тутъ же на усадьбѣ помѣщаются дѣловые люди, завѣдующіе отдѣльными статьями помѣщичьяго хозяйства, а также все

болѣе развѣтвляющійся классъ спеціалистовъ-ремесленниковъ, удовлетворяющихъ разныя потребности барскаго домашняго обихода. Далѣе классъ дворовыхъ, посаженныхъ на пашню, такъ называемые задворные люди, послѣ ревизіи смѣшавшійся окончательно съ крестьянами; наконецъ, село и раскинутыя вокругъ него деревни съ крестьянскимъ населеніемъ на оброкѣ или на барщинѣ. Все это населеніе управляется сложною администраціей, во главѣ которой стоитъ приказчикъ или главный приказчикъ съ бурмистрами, старостами и „выборными“ и которая не чужда представительныхъ учрежденій въ видѣ сельскаго схода, имѣющаго иногда для своихъ собраній особую избу на господскомъ дворѣ. Въ большинствѣ случаевъ въ вотчинѣ дѣйствуетъ обычное право, но съ половины вѣка появляются довольно разнообразные писанные уложенія и уставы — конституціи этихъ маленькихъ государствъ. Разумѣется, высшій законъ въ имѣніи — воля барина, который не стѣсняется нарушать старинные обычаи и имъ же самимъ установленныя конституціи. Таковы порядки въ крупныхъ и среднихъ вотчинахъ. Мелкопомѣстные владѣльцы, насколько и въ чемъ могутъ, подражаютъ крупнымъ.

Отношенія къ сосѣдямъ возбуждали въ этихъ государствахъ вопросы внѣшней политики. Отношенія эти часто не были гладки; въ особенности благодаря отсутствію правильно установленнаго межеванія, — постоянно возникали споры съ обращеніемъ къ суду, и каждая крупная усадьба непремѣнно обладаетъ своимъ „приказнымъ человѣкомъ“, адвокатомъ изъ крѣпостныхъ, долговременною практикою и въ хожденіи по дѣламъ пріобрѣтавшимъ юридическую опытность и знаніе законовъ, въ которомъ могъ поспорить съ подьячими. Иногда на юридическомъ поприщѣ выступалъ и самъ помѣщикъ, входившій во вкусъ въ судебныхъ дѣлахъ, доставлявшихъ ему умственную работу за неимѣніемъ никакой другой. Князь Щербатовъ вспоминаетъ одного изъ своихъ недальныхъ пред-

ковъ, который „хаживалъ“ въ судъ не только по своимъ дѣламъ, но велъ также по порученію и чужія тяжбы. Процессы тянулись безконечно и представляли на ряду съ борзой и гончей охотой наиболѣе интересную тему для разговоровъ сельскаго дворянства, помогавшую заполнять пустоту и скуку уединенной жизни. Сутяжничество дѣлалось въ иныхъ случаяхъ страстью, и появлялись большіе охотники и охотницы судиться, къ услугамъ которыхъ появлялись и мудрые юрисконсульты, разжигавшіе сутяжничество. Въ 1752 г. императрица объявила сенату, что она съ крайнимъ неудовольствіемъ слышитъ о разореніи и притѣсненіи подданныхъ отъ „ябедниковъ“. Указъ привелъ и конкретный портретъ такого ябедника. То былъ нѣкій князь Никита Хованскій, отставной лейбъ-гвардіи прапорщикъ, религіозный и политическій вольнодумецъ и неуживчивый человѣкъ: бросилъ жену, не ходилъ подъ рядъ 12 лѣтъ на исповѣдь, называлъ высокопоставленныхъ особъ дураками и злорадствовалъ по поводу пожара въ московскомъ дворцѣ, остря, что императрицу преслѣдуютъ стихіи: изъ Петербурга ее гонитъ вода (наводненіе), а изъ Москвы — огонь. Указъ предписывалъ князю Никитѣ юридическія занятія бросить и никому по дѣламъ никакихъ совѣтовъ и наставленій не давать подъ опасеніемъ конфискаціи движимаго и недвижимаго имушества, грозя такимъ же взысканіемъ и его кліэнтамъ, которые явно или тайно стали бы обращаться къ нему за совѣтомъ. За свой атеизмъ и рѣзкій языкъ не по времени остроумный адвокатъ поплатился плетьми и ссылкой сначала въ монастырь на покаяніе, а затѣмъ въ свои деревни.

Но при всей любви къ процессамъ въ дворянской средѣ болѣе стремительнымъ и горячимъ натурамъ не хватало терпѣнія выжидать окончанія тяжебъ, и они, по призванію военные люди, предпочитали рѣшать возникавшія недоразумѣнія открытымъ боемъ. Такимъ образомъ сосѣднія государства-вотчины вступали въ военныя дѣй-

ствія другъ противъ друга, и происходили частныя войны совершенно въ средневѣковомъ духѣ. Вотъ примѣры. Въ 1742 г. богатый вяземскій помѣщикъ Грибоѣдовъ во главѣ отряда дворовыхъ съ рогатинами и дубьемъ напалъ ночью на усадьбу помѣщицы Бехтѣевой, помѣщицу выгналъ и самъ поселился въ завоеванной усадьбѣ. Въ 1754 г. трое орловскихъ помѣщиковъ, братья Львовы, все люди съ чинами: совѣтникъ, асессоръ и корнетъ, предприняли походъ на своего сосѣда поручика Сафонова. Съ подмогою родственниковъ Львовы собрали армію изъ крестьянъ и дворовыхъ людей числомъ въ 600 человѣкъ. Выступленіе было торжественно. Два священника отслужили молебствіе съ водосвятіемъ, и всѣ приложились къ образу; затѣмъ помѣщики произнесли напутственныя рѣчи къ войску, ободряя его и побуждая „имѣть неуступную драку“ и не выдавать другъ друга. Лучшимъ крестьянамъ для большаго подъема воинственнаго духа было поднесено по чаркѣ водки, и войско двинулось въ путь. Помѣщики и приказчики ѣхали верхами, крестьяне слѣдовали въ пѣшемъ строю. Приблизившись осторожно къ крестьянамъ врага, занятымъ на сѣнокосѣ, и захвативъ ихъ врасплохъ, Львовы ударили на нихъ изъ лѣсу. Произошла кровопролитная свалка. 11 человѣкъ было убито, 45 тяжело ранено, 2 пропало безъ вѣсти. Въ томъ же году подмосковная вотчина генеральши Стрѣшневой село Соколово — въ войнѣ съ подмосковной вотчиной кн. Голицына, съ селомъ Яковлевскимъ. Крѣпостные первой въ количествѣ 70 человѣкъ, вооружившись ружьями, дубьемъ и палашами, подъ предводительствомъ старосты и одного изъ дворовыхъ напали на яковлевскихъ крестьянъ и захвативъ въ плѣнъ 12 человѣкъ, привезли ихъ въ Соколово и посадили въ погреба. Въ этотъ вѣкъ женскихъ царствованій даже дамы, жены и дочери служилыхъ людей, проявляли воинственныя наклонности и обнаруживали стратегическіе таланты. Въ 1755 г. пошехонская помѣщица Побѣдинская во главѣ своихъ крѣпост-

ныхъ сразилась съ двумя сосѣдями помѣщиками Фрязинымъ и Леонтьевымъ, которые, заключивъ, очевидно, между собою союзъ, напали на ея людей. Битва кончилась пораженіемъ и даже смертью обоихъ союзниковъ. Въ иныхъ усадьбахъ изъ дворовыхъ людей формировались вооруженные, обмундированные и обученные военному дѣлу отряды для защиты отъ частыхъ тогда нападеній на усадьбы разбойничьихъ шаекъ. Эти отряды пускались въ дѣло и въ междоусобныхъ войнахъ.

Построенная на крѣпостномъ правѣ, проникавшемъ весь ея внутренній складъ и отражавшемся и на внѣшнихъ отношеніяхъ, вотчина служила обстановкой, въ которой получалъ дворянинъ свое первоначальное воспитаніе. Плохая это была педагогическая обстановка. и крѣпостное право сыграло печальную роль не для одной только крестьянской психологіи. Крѣпостное отношеніе между субъектомъ права — помѣщикомъ — и его объектомъ — крѣпостнымъ человѣкомъ — юридически было очень измѣнчиво: чуть не каждое пятилѣтіе появлялись все новые и новые законы, мѣнявшіе сущность этого отношенія, которое поэтому такъ трудно уловимо для юридическаго опредѣленія. Но нравственное вліяніе крѣпостного права было явленіемъ очень постояннымъ и очень опредѣленнымъ. Своею юридическою тяжестью это право падало на объектъ, но нравственно оно одинаково портило обоихъ, — и объектъ и субъектъ. Оно положило на долго бывшаго безвольнымъ орудіемъ въ чужихъ рукахъ крестьянина печать, не совсѣмъ стершуюся съ него, можетъ быть, и до сей поры. Оно принизило его личность и заставило его бросать вокругъ недовѣрчивый и боязливый взглядъ исподлобья. Оно убивало его энергію въ трудѣ и, можетъ быть въ значительной мѣрѣ оно же вносило унылыя ноты въ пѣсню, сопровождающую часы досуга. Но столь же пагубно крѣпостное право подѣйствовало и на помѣщика.

Во-первыхъ, оно портило его характеръ тѣмъ, что не

ставило его волѣ никакихъ сдержекъ. Воля, которая была закономъ для столькихъ другихъ, привыкла забывать границы, становясь необузданнымъ произволомъ. Она практиковалась надъ безправными крѣпостными и потомъ проявлялась надъ безсильными свободными. Въ усадьбѣ крупнаго барина состоитъ помимо дворовой челяди особый штатъ приживальщиковъ изъ дальней и бѣдной родни или изъ мелкихъ сосѣдей, служащихъ мишенями барскаго остроумія или орудіями барскихъ потѣхъ, которыя принимаютъ грубый характеръ и тотчасъ же переходятъ въ насиліе. Устами своего депутата въ екатерининской комиссіи однодворцы Тамбовской провинціи горько жаловались на постоянныя обиды, которыя приходится имъ, мелкимъ людямъ, нести отъ сосѣдей дворянъ. Депутатъ горячо возсталъ противъ отмѣны тѣлеснаго наказанія для дворянъ. Безъ этихъ наказаній, говорилъ онъ, „благороднымъ отъ насилія воздержать себя по оказуемой имъ вольности впредь невозможно. Но, почтеннѣйшее собраніе, — продолжалъ депутатъ, — о другихъ губерніяхъ не отваживаюсь, а что жъ о Воронежской и Бѣлгородской, смѣло увѣряю: гдѣ бъ какое жительство осталось безъ притѣсненія и обидъ отъ благороднаго дворянства спокойно? Подлинно нѣтъ ни одного, что и въ представленіяхъ отъ общества доказывается“.

Во-вторыхъ, крѣпостное право было губительно для дворянина тѣмъ, что, давая ему въ обильномъ количествѣ даровой трудъ, оно отучало его волю отъ энергіи и постоянства. Оно доставляло ему вредный досугъ для празднаго ума, который нечѣмъ было занять и который искалъ занятія во всемъ, въ чемъ угодно, только не въ томъ, чѣмъ ему слѣдовало быть занятымъ. На службѣ дворянинъ становился все менѣе нуженъ, а сельское хозяйство, построенное на крѣпостныхъ началахъ, его интересовало только результатомъ, т.-е. количествомъ дохода, а не процессомъ, т.-е. средствами его добыванія, потому что несвободный трудъ дѣлалъ этотъ процессъ до уто-

мительности однообразнымъ, неподатливымъ ни къ какому движенію и неспособнымъ ни на какія перемѣны и усовершенствованія. Положеніе, въ какое попадалъ дворянинъ, освобождаясь отъ службы и не принимая активнаго участія въ сельскомъ хозяйствѣ, понижало его энергію и отучало его отъ всякой серьезной работы. Вотъ почему помѣщичій классъ вышелъ еще менѣе работоспособнымъ, чѣмъ крѣпостное крестьянство. Правда, незанятый обязательною работой свободный дворянскій умъ сверкалъ иногда удивительно яркими искрами, но отсутствіе выдержки и постоянства въ трудѣ мѣшало этимъ рѣдкимъ искрамъ собираться въ пламя, дающее постоянный, ровный, полезный и производительный свѣтъ. Дворянинъ никогда ни въ чемъ не былъ цеховымъ работникомъ, выступая иногда блестящимъ диллетантомъ. Эта психологія получитъ роковое значеніе для сословія, когда измѣнившіяся обстоятельства потребуютъ отъ каждаго упорнаго и тяжелаго труда среди обостренной экономической борьбы. Оно въ этой борьбѣ выступитъ наименѣе приспособленнымъ.

Крѣпостное право простирало свое вліяніе и за предѣлы помѣщичьяго класса, будучи, очевидно, центральнымъ узломъ, опредѣлявшимъ весь складъ частной, общественной и даже государственной жизни. Привычки и отношенія, вырабатывавшіяся въ основной хозяйственной ячейкѣ, какою была крѣпостная вотчина, отображались и на всемъ государственномъ и общественномъ строѣ, и хозяйственная основа опредѣляла въ этомъ случаѣ формы высшихъ этажей общежитія, его юридическій обликъ и его духовное содержаніе. Въ самомъ дѣлѣ, между первоначальною хозяйственной ячейкой и обширнымъ государственнымъ организмомъ можно замѣтить полное соотвѣтствіе. Если крѣпостная вотчина была маленькимъ государствомъ, то и государство съ своей стороны очень напоминало большую крѣпостную вотчину. Большихъ трудовъ и усилій стоило Петру Великому отучать своихъ

современниковъ отъ такого взгляда на государство и проводить новыя политическія идеи, по которымъ государь долженъ былъ являться не хозяиномъ-вотчинникомъ, а первымъ слугою общественнаго союза, преслѣдущаго цѣли общаго блага. Однако дѣйствительность жизни оказывалась сильнѣе новыхъ идей, которыми она была прикрыта и повсюду черезъ нихъ замѣтно сквозила. Соціальный строй государства весь сверху до низу носилъ печать крѣпостного права, такъ какъ всѣ общественные классы были закрѣпощены. Въ учрежденіяхъ, несмотря на полное ихъ преобразованіе, оставалось много вотчинной старины. Самый императорскій дворъ временъ Анны и Елизаветы, устроенный по западному образцу, поражавшій блескомъ и великолѣпіемъ даже иностранцевъ, служившій проводникомъ европейскаго тона въ русское общество, былъ все-таки въ сущности обширною помѣщичьей усадьбой. Обѣ названныя императрицы были типичными русскими помѣщицами-крѣпостницами XVIII в. Одна не могла заснуть безъ того, чтобъ не выслушать на сонъ грядущій какого-нибудь страшнаго разсказа про разбойниковъ, и для этихъ повѣствованій имѣлся особый штатъ особенно болтливыхъ женщинъ, мастерицъ сочинять и разсказывать разныя исторіи; другая приводила въ отчаяніе своего повара иностранца открытымъ предпочтеніемъ къ щамъ и буженинѣ, кулебякамъ и гречневой кашѣ передъ всѣми иностранными блюдами. Свободное отъ придворныхъ церемоній и государственныхъ дѣлъ время Анна, надѣвъ просторный домашній капотъ и повязавъ голову платкомъ, любила проводить въ своей спальнѣ среди шутовъ и приживалокъ. Фрейлины ея двора, какъ простыя сѣнныя дѣвушки въ каждомъ барскомъ домѣ, сидѣли за работой въ сосѣдней со спальней комнатѣ. Соскучившись, Анна отворяла къ нимъ дверь и говорила: „Ну, дѣвки, пойте!“ И онѣ пѣли до тѣхъ поръ, пока государыня не кричала: „довольно!“ Провинившихся въ чемъ-нибудь и вызвавшихъ ея неудоволь-

ствіе фрейлинъ она посылала стирать бѣлье на прачечномъ дворѣ, т.-е. расправлялась съ ними такъ же, какъ поступали въ барской усадьбѣ съ дворовыми дѣвками. Частная обстановка государя все еще мало различалась при дворѣ отъ государственныхъ учрежденій. Иностранцу повару Елизаветы Фуксу былъ пожалованъ высокій чинъ бригадира, а русскій повѣренный въ дѣлахъ въ Парижѣ, ведя переговоры съ французскимъ правительствомъ, въ то же время былъ обязанъ выбирать и закупать шелковые чулки новаго фасона для государыни и отыскивать повара на службу къ Разумовскому.

Въ этой громадной вотчинѣ съ такою обширною и богато устроенною барскою усадьбою въ центрѣ дворянство занимало мѣсто, похожее на то, какое въ частной вотчинѣ занималъ особый классъ крѣпостныхъ — „дворовые люди“. Не даромъ до Петра дворянство и официально титуловалось „холопами“ въ своихъ обращеніяхъ къ государю. Гораздо болѣе глубоко, чѣмъ юридическая аналогія, было здѣсь нравственное сходство, и въ отношеніяхъ дворянства къ верховной власти было много навѣяннаго крѣпостнымъ правомъ. Не слѣдуетъ забывать, что дворянству сравнительно съ другими сословіями русскаго общества пришлось испытать на себѣ двойное дѣйствіе крѣпостного права. Другія сословія были только объектами этого права; дворянство подверглось его воздѣйствію и въ качествѣ объекта и въ качествѣ субъекта: какъ объектъ потому, что оно было закрѣпощено обязательной службой, будучи однимъ изъ крѣпостныхъ сословій; какъ субъектъ потому, что оно было владѣльцемъ крѣпостныхъ. И вотъ въ отношенія, возникавшія изъ крѣпостной зависимости перваго рода, оно вносило много чертъ, заимствованныхъ изъ отношеній второго рода. Свои крѣпостныя отношенія дворянство невольно строило по образцу отношеній къ нему его собственныхъ крѣпостныхъ. Произволъ, направленный книзу, удивительно какъ-то умѣетъ сочетаться въ одной и той же

душѣ съ раболѣпіемъ по направленію кверху, такъ что нѣтъ болѣе раболѣпнаго существа, чѣмъ деспотъ, и болѣе деспотическаго, чѣмъ рабъ.

Слишкомъ часто это слово „рабъ“ фигурируетъ въ первой половинѣ XVIII в. въ офиціальныхъ выраженіяхъ отношеній дворянства къ верховной власти, появляясь на мѣсто только что изгнаннаго Петромъ слова „холопъ“ и показывая, какъ живучи фактическія отношенія вопреки закону. Вы его встрѣтите и въ судебномъ приговорѣ и на языкѣ законодателя, дипломата и военнаго человѣка. Въ 1727 г. извѣстный петровскій генералъ-полицей-мейстеръ Девьеръ былъ присужденъ къ кнуту и ссылкѣ за то между прочимъ, что не отдавалъ „рабскаго респекта“ одной изъ царевенъ — Аннѣ Петровнѣ, позволялъ себѣ сидѣть въ ея присутствіи. Въ приговорѣ противъ одного изъ видныхъ верховниковъ князя В. Л. Долгорукаго говорилось, что онъ ссылается въ дальнія деревни „за многіе его къ намъ самой и къ государству нашему безсовѣстные противные поступки и что онъ, не боясь Бога и страшнаго Его суда и пренебрегая должность честнаго и вѣрнаго раба, дерзнулъ“ и т. д. Въ 1740 г. былъ изданъ указъ о дворянской службѣ, въ которомъ объявлялось, что предыдушій указъ 1736 г. о 25-лѣтнемъ срокѣ этой службы касается лишь тѣхъ дворянъ, „которые впродолженіе 25 лѣтъ служили вѣрно и порядочно, какъ *вѣрнымъ рабамъ* и честнымъ сынамъ отечества надлежитъ, а не такихъ, которые всякими способами отъ прямой службы отбывали и время втуне проводить искали“. Въ депешѣ изъ Вѣны русскій посланникъ при австрійскомъ дворѣ Ланчинскій писалъ: „*рабски разсуждая*, что въ послѣднемъ указѣ явно и повторительно предписано мнѣ выѣхать... не могъ обратить вниманія на ихъ (австрійскихъ министровъ) внушенія: не мое *рабское дѣло* въ то вступаться, чего разсмотрѣніе ваше величество сами себѣ предоставить изволили“. Въ 1749 г. канцлеръ Бестужевъ подалъ императрицѣ докладъ по

поводу столкновенія его съ воспитателемъ графа Кирилла Разумовскаго Тепловымъ и въ этомъ докладѣ коснулся происшествія на прощальномъ обѣдѣ, данномъ англійскимъ посломъ лордомъ Гиндфордомъ. Лордъ, наливъ всѣмъ „покалы“ произнесъ тостъ за здоровье государыни, при чемъ пожелалъ, „чтобъ благополучное ея императорскаго величества государствованіе болѣе лѣтъ продолжалось, нежели въ томъ покалѣ капель; то и всѣ оный пили, а одинъ только (церемоніймейстеръ) Веселовскій полонъ пить не хотѣлъ, но ложки съ полторы и то съ водою токмо налилъ и въ томъ упрямо передъ всѣми стоялъ, хотя канцлеръ изъ ревности къ ея величеству и изъ стыда предъ послами ему по-русски и говорилъ, что онъ долженъ сіе здравіе полнымъ покаломъ пить, какъ *вѣрный рабъ*, такъ и потому, что ему отъ ея императорскаго величества много милости показано пожалованіемъ его изъ малаго чина въ столь знатный“. Фельдмаршалъ С. Ѳ. Апраксинъ въ донесеніи о Гросъ-Егерсдорфской битвѣ, указавъ подвиги отдѣльныхъ генераловъ, дѣлалъ такое заключеніе: „словомъ сказать, всѣ вашего императорскаго величества подданные во ввѣренной мнѣ арміи при семъ сраженіи всякій по своему званію такъ себя вели, какъ *рабская должность* природной ихъ государынѣ требовала“. Число такихъ выписокъ можно было бы умножить до безконечности.

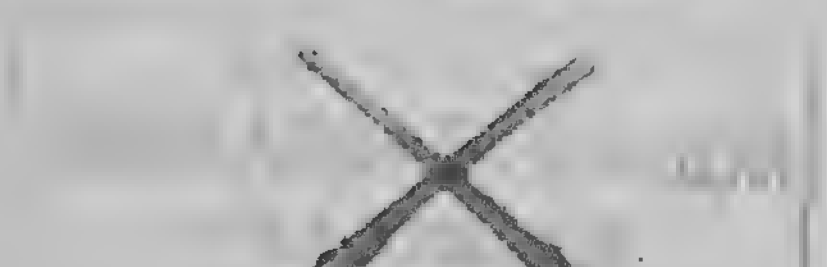
Въ появленіи этого термина „рабъ“ на мѣсто прежняго „холопъ“ нельзя не видѣть даже нѣкотораго проигрыша для дворянства: въ словѣ „холопъ“ какъ-то болѣе указанія на служебное отношеніе, тогда какъ въ словѣ „рабъ“ болѣе указанія на безправность по отношенію къ господину. Впрочемъ, само же законодательство Петра, изгонявшее первый терминъ, косвеннымъ образомъ уполномочивало къ употребленію второго. Допуская опасные синонимы, оно къ явленію частнаго права, къ крѣпостнымъ людямъ, прилагало терминъ государственнаго права, называя ихъ помѣщичьими *подданными*. Не удивительно,

что и наоборотъ, отношенія государственнаго права стали при смѣшеніи понятій облекаться терминами частнаго. Если рабы назывались подданными, то и подданные именовались рабами. И эти выраженія не были пустою словесною формой; они вполнѣ соотвѣтствовали дѣйствительности. Трудно себѣ представить болѣе гордаго и властнаго вельможу, чѣмъ знаменитый Волынскій; на губернаторской должности онъ былъ неограниченнымъ сатрапомъ. А прочтите въ его оправдательной докладной запискѣ разсказъ о томъ, какъ его билъ Петръ Великій — это совсѣмъ тонъ дворoваго человѣка, униженно повѣствующаго о баринѣ. „Его величество, — пишетъ Волынскій, — скоро съ адмиральскаго судна на свое изволилъ придтить; хотя тогда и ночь была, однако жъ изволилъ прислать по меня и тутъ гнѣваяся бить тростію... Но хотя жъ и претерпѣлъ я, однако жъ не такъ, какъ мнѣ, рабу, надлежало терпѣть отъ своего государя; но изволилъ наказать меня, какъ милостивый отецъ сына, своею ручкою...“ Въ числѣ наказаній на барскихъ дворахъ практиковалась между прочимъ ссылка съ барскихъ глазъ, гдѣ виновный занималъ какую-либо видную должность, въ дальнія деревни; та же ссылка въ дальнія деревни постигала и придворныхъ вельможъ. Дворовый не имѣлъ своего имущества, все его добро принадлежало барину; а что было менѣе гарантировано и прочно въ XVIII в., чѣмъ дворянское имущество движимое и недвижимое, которое могло ежеминутно подвергнуться конфискаціи?

Неприглядный характеръ своихъ отношеній въ верховной власти дворянство иногда само ясно сознавало и въ удобную минуту высказывалось о нихъ втихомолку съ горькою откровенностью. Въ 1730 г. по рукамъ собравшихся въ Москвѣ дворянъ, горячо обсуждавшихъ вопросъ о перемѣнѣ государственнаго устройства, ходила анонимная записка, въ которой выражалось опасеніе, какъ бы съ установленіемъ власти верховнаго тайнаго

совѣта вмѣсто одного монарха не сдѣлалось ихъ десять. „Тогда мы, шляхетство, — говорилось въ запискѣ, — совсѣмъ пропадемъ и принуждены будемъ горше прежняго *идолопоклонничать*“. Но, сознавая неприглядность отношеній, дворянство не умѣло ихъ перестроить. Наиболѣе развитая и вызывающая по знатности, служебному положенію и имуществу его часть въ томъ же 1730 г. сдѣлала попытку занять болѣе самостоятельное и почетное положеніе, обезпечивъ его участіемъ дворянскаго представительства въ видѣ особой дворянской палаты депутатовъ въ высшемъ государственномъ управленіи; но эта попытка разбилась о сопротивленіе подавлявшей числомъ и громкимъ крикомъ дворянской демократіи, предпочитавшей матеріальныя, имущественныя и служебныя льготы изъ рукъ верховной власти политической самостоятельности и почету. Чувство личной чести присущее любой западной аристократіи, было какъ-то мало понятно русскому дворянину XVII и первой половины XVIII в. Въ верхахъ этого класса было сильно развито чувство родовой чести, которое выражалось въ мѣстничествѣ и въ силу котораго дворянинъ, не видѣвшій ничего унизительнаго въ называніи себя холопомъ, въ подписи уменьшительнымъ именемъ, въ тѣлесномъ наказаніи, чувствовалъ унизительнымъ для себя занимать мѣсто за столомъ рядомъ съ такимъ же дворяниномъ, котораго онъ считалъ однако для этого сосѣдства недостаточно знатнымъ. Но къ чувству личной чести должны были пріучать дворянство уже сами монархи. Петръ вывелъ изъ употребленія уменьшительныя имена. Екатерина объявила дворянству, что дворянство есть не спеціальный родъ повинности, а tître d'honneur, т.-е. почетное наименованіе, являющееся результатомъ заслугъ государству. Это не было новостью развѣ для одного только князя Щербатова; для большинства же вчерашнихъ крѣпостныхъ эти слова императрицы были какимъ-то свѣтомъ откровенія, и они ссылались на нихъ кстати и некстати.

Но, въ то время какъ такія понятія внушались съ высоты трона, въ числѣ помѣщиковъ, съѣзжавшихся по уѣздамъ на выборы депутатовъ въ комиссію объ уложеніи, нѣкоторые подъ наказами депутатамъ, повидимому, не безъ гордости подписались съ чиномъ придворнаго „лакея“, и не имъ, конечно, было думать о самостоятельномъ и почетномъ положеніи. Такъ отплачивало дворянству крѣпостное право за тѣ выгоды, которыя ему этимъ правомъ давались. Оно портило характеры лицъ и было причиной унизительнаго положенія класса. Оно представляло изъ себя старую домашнюю основу, съ которой новымъ западнымъ идеямъ пришлось вступить въ продолжительную и упорную борьбу. Эта борьба началась уже во второй половинѣ XVIII в.



НАРОДНЫЙ ЛИСТОКЪ

„Свободной Россіи".

№ 1. Какъ добился народъ манифеста 17-го октября, и что манифестомъ обѣщано народу.

Цѣна 1 коп. Сотня — 60 коп.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ:

Москва, Кудринская площадь, д. Курносовыхъ, кв. 21, телеф. 32—21, книжные магазины „Трудъ" (Тверская, 38) и П. Д. Путиловой (Арбатъ, 17, телеф. 56—90).

Петербургъ, Книжный складъ „Школьное и библіотечное дѣло" (Невскій, 42) и магазинъ „Трудъ" (Невскій, 60).

Книгопродавцамъ 30% уступки.

Библіотека „Свободная Россія“.

Подъ общей редакціей С. П. Мельгунова и П. М. Шестакова.

Изданіе Е. В. Кожевниковой и Е. А. Коломійцевой.

№ 1. **Германія** въ 48-мъ году. По книгѣ Базарова и Степанова: „Очерки по исторіи Германіи въ XIX в.“, составилъ М. Н. Андреевъ. Ц. 20 коп.

№ 2. **М. М. Богословскій.** Изъ исторіи верховной власти въ Россіи. Ц. 10 коп.

№ 3. **С. Ѳ. Фортунатовъ.** Основныя начала англійской конституціи. Ц. 10 коп.

№ 4. **И. Н. Игнатовъ.** Печать во Франціи въ прошломъ и настоящемъ. Ц. 20 коп.

№ 5. **П. Н. Милюковъ.** Демократизмъ и вторая палата. Ц. 10 коп.

№ 6. **И. А. Петровскій.** Всеобщее избирательное право и системы выборовъ. Ц. 10 коп.

№ 7. **А. Н. Максимовъ и С. Ѳ. Фортунатовъ.** Одна или двѣ палаты? Ц. 10 коп.

№ 8. **В. Г. Короленко.** Трагедія Ковалева и нравы военной среды. Ц. 10 коп.

№ 9. **А. С. Пругавинъ.** Вопіющее дѣло. Ц. 10 коп.

№ 10. **И. Н. Игнатовъ.** Изъ исторіи рабочаго движенія во Франціи. Ц. 10 коп.

№ 11. **Проф. М. Н. Соболевъ.** Экономическіе интересы и группировка политическихъ партій въ Россіи. Ц. 10 к.

№ 12. **Д. Самойловъ.** 48-й годъ во Франціи. Ц. 15 коп.

№ 13. **Къ исторіи декабристовъ.** Ц. 10 к.

№ 14. **Бѣлоруссовъ.** Изъ пережитаго. Ц. 20 к.

№ 15. **М. М. Богословскій.** Бытъ и нравы русскаго дворянства въ первой половинѣ XVIII в. Ц. 15 коп.

Заканчиваются печатаньемъ:

М. М. Богословскій. Императрица Елизавета Петровна.

Его же. Конституціонное движеніе 1730 г.

Къ университетскому вопросу. Сборникъ статей подъ редакціей проф. *С. С. Салазкина.*

В. Е. Якушкинъ. Крестьянская реформа 1861 г. и русское общество.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ:

Москва, Кудринская площадь, д. Курносовыхъ, кв. 21, телеф. 32—21, книжные магазины „Трудъ“ (Тверская, 38) и П. Д. Путиловой (Арбатъ, 17, телеф. 56—90).

Петербургъ, Книжный складъ „Школьное и библіотечное дѣло“ (Невскій, 42) и магазинъ „Трудъ“ (Невскій, 60).

Книгопродавцамъ 30% уступки.

5Pd
87